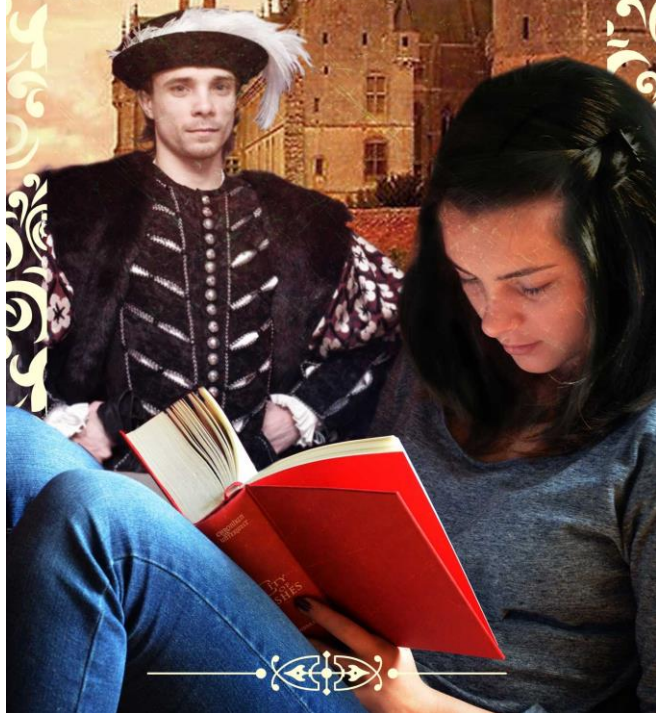

СВЕТЛАНА
ДЕНИЖЕНКО

МОЙ ГРАФ ДЕ БЮССИ

Аннотация

Хотелось ли вам хоть один раз в жизни побывать на страницах любимых книг? Вернее, окунуться в мир ваших любимых героев, о чьих судьбах с упоением читаете и за кого переживаете всем сердцем? Хотели бы побродить по тем же улицам, испытать на себе все тяготы или, наоборот, прелести выдуманного писателем мира? Что если эта мечта вдруг осуществится самым неожиданным образом?

Екатерина Шнуркова, менеджер аналитического отдела крупной компании, самая обычная москвичка, для которой личная жизнь пока не стоит на первом месте, однажды вечером оказывается в совершенно реальном мире давно ушедшего 16 века. Да не где-нибудь, а во Франции! Что ждет её на страницах собственного романа?

Светлана Дениженко МОЙ ГРАФ ДЕ БЮССИ

Вечер тихо шептал мелодию любви, призывая ночь. На балконе высокого дома стояла стройная темноволосая девушка и смотрела на дремлющий город. Огни зажигались на небе и на земле. Или это вокруг неё были звезды? Прохладный воздух перебирал складки тонкого пеньюара. К девушке медленно вышел из комнаты мужчина и встал рядом, теплыми ладонями дотронулся до её плеч и обнял тонкое, словно хрупкий сосуд, тело возлюбленной.

— Ты должен знать обо мне всё, — прошептала она, освобождаясь из объятий любимого.

— Всё? — так же тихо спросил он. — Я уже знаю немало...

— Этого недостаточно. Я не хочу, чтобы между нами стояло прошлое...

Глава 1

То, что понедельник — не самый лучший день в жизни и так понятно, но чтобы настолько...

Офис, вернее один из его кабинетов, замер в ожидании. Коллеги с любопытством и трепетом,

надо признаться — не напрасно, уставились на меня, прислушиваясь к происходящему. Я же — Екатерина Шнуркова, младший менеджер отдела аналитики (великовозрастная девица, аж двадцати двух лет отроду), уже минут десять ползала под столами сослуживцев в поиске моего ненаглядного Рокфора.

Надо сказать, он всегда был довольно-таки послушным крысом и спокойно сидел в моей сумке, ни на кого не нападая, если к нему не лезли. Пару раз, правда, кусал воров, посягнувших на мой кошелек, которого у меня никогда не имелось. Деньги я привыкла носить на себе — в брюках, поскольку почти всегда ходила в них. Но карманникам все равно, в какую сумку лезть, а Роки — сторож хоть куда. Во всяком случае, за документы я могла не опасаться. Вряд ли кто осмелится их утащить из-под носа моего крыса.

Брюк у меня — великое множество, но самые популярные из всех — это джинсы и коротенькие летние «полумерки», как я их называю. Штанишки собственного пошива, средней длины, что-то между шортами и обычными шароварами — широкие «завертыши» чуть выше колен. И обязательный в них атрибут — множество явных и потайных кармашков. Брюки я люблю!

Сегодня же, как назло, вырядилась в юбку, впервые за пол-лета, поскольку жара стояла

невыносимая — 35 градусов в тени. Поэтому на мне красовался светло-бежевый топ, а в дополнение к нему — синяя джинсовая юбчонка (длиной около тридцати сантиметров). И хотя в офис так ходить не положено, и если честно, то для меня очень даже непривычно, но я все списала на жару и решила, что раз в год — можно. Тем более, что моя фигура позволяла носить юбки любой длины.

И все было бы хорошо, не загляни ко мне в сумку, за расческой, Анька, секретарша шефа. У той вечно, то помады нет, то расчески, то еще чего-то важного. Оттого она носится по офису каждое утро не хуже шмеля, выпрашивая, у кого можно позаимствовать на пять минут. Мы все уже привыкли к этой её особенности «растеряшки — Машки» и либо отмахивались, либо давали на время, чтобы только отстала и не ныла своим детским голоском:

— Ну, девочки! Ну, что вам, жалко — что ли?

— Свое надо иметь! — неизменно откликалась Марья Сергеевна, главный менеджер отдела, — И нечего по офису мотаться! Детский сад на выезде, честное слово!

— А я и имею, только дома забыла... — тянет свою песню Анька, — Щас плакать буду!

И начинает ныть почти по взаврадашнему, только противненько так получается, что тут же хочется, чтобы она замолкла, и лучше — насовсем.

Вот и сегодня:

— Девочки! Я расческу забыла. Есть у кого? Катька, дай причесаться!

И не успела я ей возразить, как она сунула нос в сумку, а там мой зверь. Ощетинился, да как прыгнет к ней.

Анька завопила на весь офис:

— У нее крыса в сумке!

И так как, коллектив у нас женский, все друженько завизжали и быстренько запрыгнули на столы. И вот я вынуждена ползать и искать Роки (это сокращенно и любя), он бедняжка испугался и где-то засел, притаившись. Мои же дамочки отказывались работать, пока зверя не найду и не уберу подальше с глаз.

В такой позе (ползающего младенца) меня и застал наш шеф — Виктор Алексеевич. Мужчина в расцвете лет: разведенный, богатый, высокий брюнет (без пивного животика), с проседью на висках, приятной улыбкой и бесенятами в смешливых глазах. Красавец, жаль не в моем вкусе.

Он взглядом оценил обстановку и усмехнувшись поздоровался, притворив за собой дверь кабинета.

— День добрый, дамочки!

«Дамочки» при виде директора приняли, насколько было возможно, достойный вид, сползли со столов в кресла, но настороженно смотрели под

ноги и вокруг.

— Шнуркова, ты что делаешь на полу? — изумился шеф, разглядывая меня с притаившимся в глазах смешком.

— Я... линзы ищу, — пробормотала первое попавшееся на ум.

— А-а-а, — протянул он с пониманием, — не знал, что носишь. Вы бы помогли товарищу по несчастью! — обратился Виктор Алексеевич к окружающим.

— Спасибо, я уже нашла...

— Да, Мария Сергеевна, вы мне отчет с утра обещали. Я жду.

— Хорошо, Виктор Алексеевич! Все готово, сейчас занесу, — засуетилась она и, подхватив нужную папку, с явным облегчением выскользнула в коридор.

Директор, как галантный кавалер, пропустил даму перед собой. И уже на выходе обернулся и бросил мне через плечо:

— Катя, я впервые вижу вас без штанов! Вам очень идет!

Он вышел, а нарастающий смех чуть не убил меня на месте. Девчонки расхохотались так, что к нам заглянул Усачков, наш программист, и с озабоченным видом спросил:

— У вас тут что? Именины?

— Да какие именины! Катьке шеф

комплимент отвесил, закачаешься! — повизгивая и похрюкивая, ответила Анька.

Но увидела мой кулак, вспомнила про крыса, и испуганно икнув, поспешила смыться с глаз.

Тут я увидела Рокфора и, подхватив беднягу, наконец поднялась с пола. Посадила моего глупыша в сумку и выскочила в уборную.

Да, так насыщено у меня еще день не начинался. Теперь эту шутку разнесут по всем отделам офиса, и мне хоть на глаза никому не показывайся. Вот ведь, будто промолчать не мог, юморист несчастный.

Я чуть не разревелась с досады. Итак, моя жизнь сплошное недоразумение, а тут еще шеф, со своими шуточками.

Умылась прохладной водой, охлаждая, расплавленные от позора, щеки. Косметикой я почти не пользуюсь, подкрашиваю немного глаза, а губы и так яркие, словно меня в детстве вместо молока малиновым вареньем кормили. Поэтому ни дождя, ни умывания — не боюсь, мой грим не сползет.

— Эх, Роки, дурачок! И как мне теперь людям в глаза смотреть? — я вздохнула и понуро отправилась на рабочее место. Но за весь рабочий день не заметила косых взглядов и смешков за спиной, будто ничего не произошло. Это казалось странным. Все выяснилось, когда после работы ко

мне подошел шеф и, взяв нежно за локоток, отвел в сторону.

— Катюша, вы извините меня. Я сегодня с утра «сморозил» нечто лишнее. Хотел сделать вам комплимент, но не вышло. Вы чудно выглядите. Вам очень идут юбки. Пообещайте, что простите старого дурака.

— Ну, что вы... я и не думала, что...

— Не смущайтесь, Катя. Я виноват, но очень надеюсь на прощение. Простите меня?

— Да, конечно.

— Вот и славно, — улыбнулся он. — До завтра!

И пока я успела еще что-то сказать, шеф уже покинул офис своей летящей быстрой походкой.

Конечно, мне приятно было его внимание. Еще бы! Но то, что он извинился, являлось полной неожиданностью. Я улыбнулась и поспешила домой, есть очень хотелось, а мне еще предстояло не только приготовить ужин, но и купить его. Поэтому, первым делом, выбравшись из душного автобуса, мы с Роки поскакали к рынку за продуктами. Накупив всякой всячины и для себя, и для крысеныша, я вдруг натолкнулась взглядом на сухонькую старушку. Та с любопытством рассматривала меня. Мой путь лежал как раз мимо нее, и свернуть между киосками было невозможно. Опустив взгляд под ноги, я постаралась пройти

незамеченной. Но вдруг услышала тихий шепоток:

— Доченька, на минуточку... умоляю... Не могу, когда так просят. Повинуясь совести, обернулась и встретилась с её синими огоньками глаз.

— Что вам, бабушка?

— Прости меня, доченька. Я бы никогда... тут, пенсия кончилась, за квартиру сейчас много берут, а мне не хватает.... Я бы не стала, если бы для себя, перетерпела бы, а у меня две кошки и собака, их кормить надо, не выбросишь ведь животинку... — тяжело вздохнула она, вытирая глаза белым платком. Да и сама старушка чистенькая, на попрошайку или пьянчужку не похожа.

— Сколько вам нужно? — спросила я и полезла в сумку за купюрами. Сегодня они у меня по «сумочным» кармашкам в разнобой затолканы.

— Нет, дочка, мне даром не надо, я не возьму. У меня чеснок вырос на окне — хороший, может, купишь?

— Чеснок? — удивилась я.

Но старушка уже вытащила из старенькой, потертой сумочки белоснежную связку из нескольких чесночных головок.

— Купи, дочка. Он и для здоровья полезный и, может, еще на что сгодится. А вот эту головку, если для мужа готовить будешь, али для любимого,

то вкус — незабываемый. Твоему мужчине — точно понравится! — подала она мне чуть синеватый, некрупный, по сравнению с белыми головками, чеснок.

— Спасибо, бабушка, только у меня нет никого...

— Будет, обязательно будет, — пообещала она и отвесила низкий поклон, когда я ей подала несколько сотен, завалившихся в кармашке сумки. Дала бы и больше, только уже потратилась. Много денег с собой не ношу, только так, на еду, да на проезд.

— За твою щедрость Господь тебя наградит! — сказала старушка и потихоньку зашаркала ногами прочь.

Мне бы её остановить, адрес спросить, может, она одинокая. Да, скорее всего так и есть. Я бы помогла ей хоть «звериков» содержать. И, как всегда, подумалось обо всем этом поздно, уже у двери квартиры.

«Ладно, завтра специально на рынок зайду, вдруг еще с ней увидимся. Или, может, её продавцы запомнили. Надо поспрашивать», — решила я и успокоилась.

Пора было принять душ и браться за ужин.

Глава 2

Ужин получился довольно вкусным. Приправа, сдобренная «старушкиным» чесноком, придала жаркому пикантный вкус. Мы с крысом, наевшись, устроились напротив телевизора в моем любимом кресле и от нечего делать решили поискать: чего бы посмотреть?

Но «телек», отказываясь работать на нас и транслировал сплошную муть. Я выключила его и зевнула. Время еще далеко не позднее, поэтому, потянувшись к стеллажу, выбрала любимый роман Дюма и устроилась удобнее, чтобы почитать.

Надо сказать, что, будучи подростком, увлеклась французским классиком и за несколько лет проглотила почти все его романтические истории, начиная от «Трех мушкетеров» и заканчивая «Марией Стюарт». Порядка двадцати томов, красовались в моей личной библиотеке. Книги в новых и потрепанных обложках стояли тесным рядком и занимали собой три полки не очень широкого книжного стеллажа. Я покупала их в букинисте и на рынке, в книжных магазинах и уличных лавках, заказывала через интернет и даже несколько книг выпросила у друзей взамен на что-то другое. «Графиня де Монсоро» в нарядной обложке появилась среди моей коллекции на день рождения в прошлом году. Это моя подруга Натка постаралась. Зная, что у меня есть эта книжка, но в весьма плачевном состоянии, сделала лучший из

возможных подарков.

Конечно, я уже не в первый раз погружалась с головой в любимую историю. Но читать старые, чуть желтоватые, кое-где перепачканные страницы не так приятно, как новые, еще пахнущие типографской краской белоснежные листы с черными птицами букв, уносящими на своих крыльях в незабываемый мир приключений и романтики.

Именно эту книгу я и взяла сегодня в руки. И тут же мир Дюма увлек меня за собой, заставляя сопереживать любимым героям и время от времени примерять их жизнь на себя. Интересно, какой бы я была барышней, будь у меня прислуга, наряды, деньги и богатый покровитель или муж, желательно не старый и хоть немного симпатичный.

Личная жизнь у меня пока не ладилась, да я и не особо к ней стремилась. Муж — это стирка, уборка, готовка, дети с вечно шмыгающими носами и мокрыми штанишками. Нет, пока мне хотелось после работы спокойствия и уединения. Может быть, я слишком пуританского воспитания, но легкие интрижки меня не устраивали, а на что-то серьезное, просто не хватало времени и желания. Пресловутая «любовь» — еще не посещала мою душу, и я её не торопила. Знала, что всему есть свое время. И у меня все еще впереди.

Перевалило за полночь, когда Рокфор ткнулся

носом в мою ладонь, тем самым напоминая о том, что пора бы и на бочок. Я с трудом оторвалась от приключений и встретилась взглядом с его бусинками глаз, неотрывно следящими за мной.

— Все, Роки, идем спать! — с неохотой отложила книгу и потянулась, разминая немного затекшее тело, встала с кресла. Роки переместился с моих колен на подлокотник и громко чихнул. Из его рта — вылетело легкое белое облачко и, увеличиваясь на глазах в размерах, вытянулось в высоту, почти на мой полный рост. Я остолбенела, рассматривая это непонятное для меня явление.

Прозрачная пленка чуть колебалась, на ней как на экране телевизора мелькали какие-то очертания, неясные силуэты. Обошла пленку вокруг, легонько дотронулась пальцем, в него тут же будто вонзилось несколько игл. Резко отдернула руку, испытывая неприятное чувство схожее с тем, когда получаешь удар от слабого заряда тока или при статике от соприкосновения шуб.

— Роки, что это ты сотворил? — изумилась я, оглядываясь на не менее ошалевшего от происходящего четверолапого дружка. Он стоял чуть поодаль уже на ковре, привставая на задние лапки и настороженно водя носом, не осмеливался приближаться к неизвестно чему.

Через мгновение, показавшееся вечностью, пленка отобразила темную мостовую, покрытую

брусчаткой, какие-то старые дома, вернее, не старые, а древние. Сейчас уже давно так не строят. Запахи чужой жизни ворвались в комнату с прохладным ветром. Вихрь закружил вокруг, и непроизвольно отступая от него, я вдруг оказалась по другую сторону пленки. Незаметно для себя, прошла сквозь прозрачное полотно и оказалась в чужом мире. Теперь моя комната, словно картина, замерла на экране, а мы с бедняжкой Рокфором (который шмыгнул следом за мной), оказались выброшенными на ночную улицу неведомого города.

Кошмар только начинался. Мы не могли пройти назад, как ни старались, пленка не пускала, кусалась током и не поддавалась на уговоры, а потом истончилась и пропала. Я чуть не разревелась от горя и безысходности. Огляделась — вокруг ни души. Еще бы! Время далеко за полночь, должно быть все нормальные граждане крепко спят, и только я шумлю посреди пустынной улицы. Звезды молчаливо созерцают мою беду, и тусклые фонари чуть раскачиваются от ветра, равнодушные к беспризорникам в наших с Роки лицах.

Что делать? Куда идти? Не ночевать же на улице? Я ущипнула себя, надеясь проснуться. Но только вскрикнула от боли, понимая, что мой сон слишком близок к реальности. Роки напугался

моего возгласа и бросился бежать, мне ничего не оставалось, как припустить следом за ним. Чужой город мог навсегда забрать моего любимца. Этого я не могла допустить.

Видимо, от шока, только через время заметила, что бегу босиком. Холодная, шершавая, в выбоинах мостовая неприятно холодила не защищенные обувью ноги.

— Куда же делись домашние шлепанцы? — спросила себя вслух, но тут обнаружила, что и любимый халат странно выглядит. Вместо него на мне каким-то образом оказалась длинная по самые пятки цветастая юбка, с высоким поясом, утягивающим и без того тонкую талию и белая рубаша с вышивкой на груди и пышных рукавах. Волосы спускались по плечам. Они у меня довольно длинные и в обычной жизни я либо собираю высокий хвост, либо заплетаю косу. Не люблю в офис ходить с распущенными волосами, да и в транспорте неудобно, вечно за что-нибудь цепляются. Тут же — они развевались по ветру, свободно болтались за спиной.

Вывернув из подворотни, я увидела своего крысеныша на мостовой под копытами летящего на него скакуна.

Зажмурившись от страха, с криком кинулась к любимцу, не соображая в тот момент ни о чем. Только одно желание руководило мной — спасти

Рокфора.

— *Le diable! Le fou!* /Черт! Сумасшедший!/ — услышала я, донесшуюся до меня непонятную тираду, похоже, французского произношения.

Затем, разгневано дыша, кто-то подошел и дотронулся до моего лица, развернув его к свету, исходящему от сиротливо-болтающегося на ветру фонаря. Я же ни жива, ни мертва — замерла, стоя на коленях, крепко прижимая к себе звереныша, который все время норовил сбежать. Все еще зажмурившись и потихоньку обретая чувства, уже понимала, что самое страшное осталось позади.

— *La belle, je ne vous ai pas fait mal?* /Красавица, вам не больно?/- спросил приятный голос. Я осмелилась открыть глаза и увидела перед собой мужчину, хорошо экипированного, явно богатого вельможу, судя по его дорогой одежде, расшитым золотом плащу и перчатках, красивой шляпе с пером. Вороной, лоснящийся в свете луны жеребец, перебирая копытами, стоял рядом со своим хозяином.

— *Non, monsieur.* /Нет, господин./- удивляясь себе, я ответила робко на французском, хотя никогда бы не подумала, что могу так связно на нем говорить. Учила только в школе, и было это достаточно давно. Мужчина помог мне подняться и теперь с явным интересом разглядывал меня.

— *Pardonnez, le monsieur. Je me dépêche.* /

Простите, сударь. Я тороплюсь/ — скороговоркой пропела я первое, что пришло на ум от страха (неизвестно ведь, что нужно от меня этому красавцу, а догадываться не хотелось) и, присев в реверансе, со всей прыти кинулась наутек как можно скорее, спряталась в тени дома. Сердце билось в груди, отдаваясь ударами в голове.

— *Où vous?* /Где вы?/ — разочаровано пронеслось мне вслед. Через время незнакомец промчался мимо, не заметив меня. Выйдя из временного укрытия, смотрела ему вслед, не замечая липких слез.

Невозможно поверить, что общалась с незнакомцем на чистом французском, и не только понимала его речь, но и что-то еще говорила сама, причем почти осмысленно. Крыс вырвался и прыгнул под ноги, спрятался под перевернутую телегу, я наклонилась за ним, но, наверное, не достаточно низко и преобольно ударила головой.

В глазах потемнело...

Глава 3

Будильник прозвенел, как всегда, некстати. С трудом разлепила непослушные веки. Теперь понятно, почему мне все время было холодно. И как это я свалилась с постели?

С детства за собой такого не замечаю.

Выползла из-под кровати, на ощупь нашла шлепки и, не открывая глаз, протопала в ванную. Потягиваясь, зевая и ругая себя за нерасторопность, включила кран с холодной водой, умылась — пробуждаясь.

О! Лучше бы я спала! Встретившись с отражением в зеркале — ужаснулась. И это я?

На меня растерянно пялилась из зазеркалья сонная «красотка» с копной взъерошенных черных волос и огромным красно-синим шишаком посреди лба.

И как в таком виде идти на работу? Вот ведь угораздило! Может, взять больничный? Диагноз: шишка на лбу! Ха-ха! Веселое утро — начало удачного дня! Да, смешно, когда другие попадают в похожие ситуации, но когда сам — беда, да и только!

Замазать мое неуместное украшение, как оказалось, нечем. Тональным кремом я ни разу в жизни не пользовалась, а пудра тут мало помогала.

«В таком виде за порог, я не пойду!», — решила для себя и открыла записную книжку с телефонами сотрудников. Набрала номер Марии Сергеевны, услышала в трубке её бодрый жизнерадостный голос:

— Аллё! Кто это? Говорите!

— Мария Сергеевна, это я, Шнуркова Катя, — ответила, набравшись смелости.

— Катюша?! Что-то случилось?

— Да. Я сегодня не приду, что-то заболела, в горле першит и температура... Мне бы отлежаться дома денечка два. Можно отгулом оформить, а я потом отработаю. Сейчас ведь ничего срочного нет... — на другом конце провода молчали, видимо обдумывая ответ.

— Значит... заболела? Врача вызвала? — вот тут я пожалела, что позвонила своей начальнице. И как только могла забыть об её всепоглощающей материнской заботе? Особенно по отношению к больным «детьми», таким как я, прозябающим без отеческой заботы.

В Москве уже пять лет живу в бабушкиной квартире, доставшейся мне по наследству, а родители — в Омске. Далековато, конечно, и видимся не часто. В основном на Новый год и в отпуск. Они у меня хорошие, я сначала по ним скучала и ревела ночами, а потом привыкла к одинокой жизни.

Двухкомнатную квартиру делю со своим крысом уже год. Он единственный, кто понимает меня без слов и длительных объяснений.

— Нет, не вызвала. Температура не очень высокая, отлежаться только надо...

— А раз невысокая — дуй на работу, я тебе лекарства привезу и если что с машиной домой отправлю. Сегодня же в офисе праздник. Ты что

забыла? А кто программу будет вести? Хотя бы передашь кому-нибудь, чтобы по бумажке прочитали.

— Да, хорошо, — вздохнула я, — только опоздаю немного.

— Ладно, я тебя прикрою. Давай, приезжай. Жду!

Вот про праздник у меня, действительно, совсем из головы вылетело. Сегодня день рождения компании, в которой я работаю всего второй год.

Это ведь на меня повесили ведение праздничной программы. Пригласили, как водится, дилеров и друзей нашей организации. И кроме того, еще и поп-звезда заехать обещала, если, конечно, не откажется в последний момент, улизнув, как это водится, на гастроли.

Подводить коллег в такой день очень не хотелось. Пятнадцать лет на рынке — это хоть не круглая, но все-таки достойная дата. Придется ехать.

Время неумолимо скакало вперед, я заметалась. Натягивая на ходу джинсы, вдруг поняла, что это не совсем то, что нужно для праздника. Заглянула в шкаф и, как всегда, отметила, что надеть мне абсолютно нечего.

Полезла за деньгами. Лишних, конечно же, не имелось. Но зарплата ожидалась на днях. И, возможно, шеф расщедрится и после праздника еще

даст хоть немножко премиальных...

Что можно купить на две тысячи рублей? Вечернее платье? Вряд ли...

Но на блузку или юбку должно хватить. На что-то одно, а как быть с другим? Хорошенечко порывшись в шкафу, нашла темно-синюю (едва не черную) блестящую юбку длиной почти до пола, прямую с высоким разрезом вдоль правой ноги. Прикинула к себе — очень даже ничего. Ну что же, осталось дело за малым — купить подходящую нарядную блузу и вперед. Да, а шишак? — сморщилась я отражению, снимая юбку и ловко утрамбовывая её в сумку. Материал не мялся, и приводить её утюгом в приличный вид не придется — это радовало. С остальным же нужно было срочно что-то делать.

Кое-как впопыхах причесала спутанные волосы, заплела косу. Соорудив из шейного платка какое-то подобие головного убора, мне удалось все-таки спрятать под него синяк.

Подкрасила глаза, и уже выскакивая за порог, подумала о том, что с утра не видела своего крысеныша.

Правда, и раньше бывало, что он спал, свернувшись клубком то за холодильником, то за батареей. Иногда мой друг забирался ко мне под кровать в самый дальний угол. Это притом, что у него имелось свое обустроенное жилище —

большая коробка из-под телевизора, в которой находилось все, что крысиной душе угодно: уютная мягкая постелька и груды натасканных им вещей для украшения личного пространства.

Сетуя на то, что сегодня даже не пришлось попрощаться с малышом, я решила, что обязательно принесу ему с собой что-нибудь вкусненькое с банкета и тем самым заглажу свою вину. Еда и вода у него оставлены с вечера, до меня — зверик не пропадет, а потом все будет.

Очень удивилась, встретив у подъезда Бориса, нашего несменяемого водителя.

— Катя, привет! За тобой Маруся (это мы так Марью Сергеевну промеж себя в офисе называем) прислала. Поехали! — пригласил он к старенькому синему ауди — офисной рабочей лошадке.

— Поехали! — обрадовалась я, — Только давай еще в одно местечко по пути заедем, хорошо?

— Куда?

— Тут недалеко, потом тебе скажу, где остановиться.

— Договорились.

Борис немногословный парень, не любит трепаться без нужды, я его за это уважаю. Тоже не коренной москвич и семейный — жена и кроха сынишка. Прокорми-ка их в наше время, да еще на съемной квартире. Не сладко ему, вот и не до разговоров.

— Притормози! — скомандовала я напротив торгового центра и быстренько выскочила, понеслась, в спешке перебирая взглядом витрины. Остановилась напротив одной из многих, зацепилась взглядом за блузку из темно-синего бархата, с глубоким вырезом и удлиненными рукавами. Мне казалось, что она должна подойти к юбке, и я не ошиблась в своем выборе.

Зеркало в примерочной ошеломило моим видом. Блузка пришлась в пору, и плотно облекая фигуру, подчеркивала высокую грудь и тонкую талию, плавно переходила в чуть более темный цвет, почти сливаясь в тон с юбкой. Словно это был один костюм, а не порознь приобретенные вещи.

Довольная собой, расплатившись за покупку, я выпорхнула из магазина и поспешила к машине. Борис застыл с открытым ртом, созерцая меня в новом наряде. И не сразу сообразил, что я уже внутри и пора бы ехать.

— Потрясающе выглядишь! — отметил он через некоторое время, когда мы уже выруливали к офису.

— Спасибо.

— Вот только платок не в тему смотрится. Сняла бы, — посоветовал водитель, не зная о моей проблеме.

— Может, и сниму, но не сейчас, — возразила я, выпрыгивая на мостовую (мы уже подъехали к

зданию и остановились напротив входа), быстренько поднялась по ступенькам, шмыгнула в приемную.

То, что в офисе я редко бывала в юбке, наверное, мое упущение, поскольку ребята и девчата пялились на меня во все глаза, словно на кинозвезду. Понимаю теперь как им, бедняжкам, нелегко — каждый день под сотнями взглядов прятать личную жизнь.

Марья Сергеевна приняла меня с распростертыми объятьями:

— Ну, наконец-то! Как ты? — и тут же её рука потянулась к моему лбу, видимо замерить температуру.

— Ай! — вскрикнула я (шишак болел) и тем самым выдала себя с головой.

— Ну-ка, ну-ка, что там у тебя? — от Маруси так просто не отделаешься, если за что зацепится — то намертво.

Скрываться уже было бессмысленно, и я стянула платок, открывая её взору яркий, наверное, светящийся в ночи (надо бы проверить) фонарь. Благо, что в коридоре кроме нас — никого — все сотрудники, готовились к празднику, и каждому нашлось занятие.

— Да, дела... так вот чем ты заболела с утра! И зачем было обманывать? — возмущилась она.

— Стыдно было. Я же не ребенок.

— А почему только на два дня? Тут неделя нужна, не меньше! — назидательно высказала Марья Сергеевна. Потом видимо сжалилась надо мной и добавила, — Ладно, Катюша, сейчас попробуем закрасить твой синяк. Откуда он взялся?

— Да, за крысом под кровать полезла... — в этот миг в мозгу, словно вспышкой нарисовалась странная иллюстрация — ночь, перевернутая телега, Рокфор, — я встряхнула головой и снова оказалась в офисе.

— Больно? — взволнованно спросила Марья Сергеевна, закрашивая шишак тональным кремом. Тот момент, когда она усадила меня в кресло и достала косметичку, выпал из моей памяти.

— Немного, — поморщилась я.

— Вот взгляни, — протянула она зеркало. — Почти незаметно, если еще на лицо нанести... Знаю, что не пользуешься, но для дела — один раз — можно.

— Ладно, делайте, что хотите... — обреченно согласилась я и сдалась без боя в руки начальницы.

Надо признать, ей удалось сделать чудо. Синяк был незаметен, если не смотреть с боку. Но и эту проблему решили — распустили мне волосы и теперь они прикрывали собой шишку, делая её незаметной для посторонних глаз. Волосы у меня выются от природы, а в мокром виде, вообще — кольцами закручиваются. Поэтому вместо щипцов

для завивки, мы, используя обычный пульверизатор для цветов, привели меня в праздничный вид.

К двум часам — приехали гости, и начался праздник. Вначале выступал шеф, потом его зам, потом шли поздравления и подарки от гостей, ну а дальше — я и концерт.

Как я и ожидала, звезда отказала перед самым выступлением, заменила себя неизвестной, но довольно талантливой особой. Девушка пела всё: от новомодных хитов, до русских народных песен. Угодила всем. Еще бы! За такой гонорар и я бы стала петь, даже не имея голоса.

Потом — застолье, банкет и разговоры по душам, да о жизни. Анька под села поближе ко мне, будучи уже далеко подшофе, прошептала:

— А шеф-то от тебя без ума. Тсс! От такой красоты, грит, я бы не отказался. Сама (ик) слышала. Вот так-то...

— Да ну тебя, Анька! Он мог про любую так сказать, вон хотя бы про ту девчонку, что весь вечер по сцене прыгает. Или про тебя. Ты у нас тоже очень даже ничего, — попыталась я отвязаться от неприятного разговора с подвыпившей секретаршей.

— Вот именно — НИЧЕГО! Я к нему уже целый год подбираюсь, и ничего... Вот ты скажи, чего им надо, мужикам? Вроде все при мне, а не замечают...

— Так, может, у него кто-нибудь есть... —
пожала я плечами.

— Никого у него нет! Я поняла, он же того...
Точно! Не той ори. ри...ен...тации, — едва
выговорила она.

— Угу... ни той и не этой. Набралась ты
подруга и несешь всякую чушь! — попыталась я
все же отвязаться от Аньки. Встала, чтобы отыскать
Марию Сергеевну и попрощаться. Мне уже пора
было домой. Вечеринка плавно превращалась в
пьянку, и все меньше хотелось наблюдать за
нравственным падением коллег.

Разыскивая начальницу, не заметила, как шеф
оказался возле меня:

— Катя, можно вас пригласить на танец? —
Виктор Алексеевич вопрошающе смотрел трезвым
взглядом. Но после слов секретарши очень не
хотелось еще и сплетен с её стороны, поэтому я
вежливо отклонила его предложение, сетуя на
головную боль и на то, что мне уже пора домой.

Возможно, он еще напросился бы в
провожатые, вот тогда, не знаю, что пришлось бы
придумывать. Но в этот момент к Виктору
Алексеевичу подошел один из его друзей и повис
на нем, что-то зашептал на ухо заплетающимся
языком. Воспользовавшись моментом, я сбежала,
отыскала Марусю и, откланявшись, выпорхнула на
улицу.

Москва встретила яркими огнями и шумом летящих по «Ленинградке»¹ машин. Поежившись от вечерней прохлады, потопала к метро. Через полчаса оказалась в домашней тишине.

— Роки, я дома, — позвала крысенка, но не услышала ответного шуршания и топота его шустрых лапок. Обычно он встречал меня, когда оставался на целый день в одиночестве — скучал. Я забеспокоилась и, не переодеваясь, принялась искать Рокфора, заглянула по всем углам — его нигде не было.

— Малыш, где же ты? Я принесла тебе вкусненькое. Роки!

Меня заполнила тревога и неясные воспоминания — улица, крысеныш, перевернутая повозка...

Роки, неужели ты остался один, там...

Стоп. Минуточку. Там — это где?

Глава 4

После вечеринки ноги ели держали, набегалась за день на каблуках. Теперь мои труженики, словно налитые свинцом, стали

¹ Ленинградский проспект (в просторечии — Ленинградка) — одна из транспортных магистралей в Москве.

неподъемно-тяжелыми и немного гудели.

Есть очень хотелось. Для меня фуршетное застолье — это небольшой перекус. Дома все равно надо что-то съесть, чтобы утолить чувство голода. В голове шумело от выпитого шампанского и мысли немного двоились. Исчезновение Рокфора меня пугало. Какие-то туманные видения выплывали передо мной из помутившегося спиртным сознания.

Но так как в панику я не собиралась вдаваться, а на сытый желудок — лучше думается (по крайней мере, у меня), то полезла в холодильник в надежде отыскать там что-либо съестное.

Вчерашний ужин, все еще дожидаясь своей участи и, недолго думая, я поставила кастрюльку на плиту. Попутно достала ломоть черного хлеба и чеснок. Люблю с детства: посолить хлеб и обильно натереть корочку чесноком. Вкуснейшее блюдо! Жаль только, что после него не выйдешь на улицу, поскольку запах изо рта убьет не только всевозможных микробов, но и освободит от общения с окружающими.

В детстве, правда, это обстоятельство не пугало, а вот сейчас...

Но я дома и никуда сегодня идти уже не собиралась, разве что искать Роки, а он этого запаха не боится, и даже сам с удовольствием грызет

чесночные зубчики.

«Может, на запах съестного выберется?», — теплилась во мне призрачная надежда на чудо.

Ну, куда же он делся в самом-то деле?

Поела без аппетита и настроения, то и дело, засыпая над тарелкой. Не помню, как оказалась в спальне. Усталость брала надо мной верх. Я потянулась и сладко зевнула перед тем, как устроится на любимой подушке, подаренной еще бабушкой. Она собирала её для меня сама — то ли из гусяного, то ли из утиного пуха. Когда-то, у нее на даче (в Подмосковье) обитала пернатая живность. И вот теперь эта подушка дарила мне сладкие сны и воспоминания о бабушке. Я не заметила тот момент, как в комнате появилось прозрачное полотно, но память тут же подсказала, что это уже было в моей жизни, причем, совсем недавно. Похоже, оно выплыло на этот раз из меня. Странное чувство сопричастности к неведомому волшебству взяло в озноб. Кутаясь в одеяло, чтобы немного согреться и тем самым унять нервную дрожь, разглядывала в раздумьях это видение. Без Роки не хотелось снова оказаться на старых пустынных улицах. Но, когда пенка потеряла прозрачность, открывая дверь в иной мир, протяжный писк привлек мое внимание. Крыс звал к себе, находясь по другую сторону полотна. Я все вспомнила! Вплоть до удара головой о телегу. Так

вот откуда у меня шишка на лбу!

Малыш, привставая на задние лапки, водил подвижным носиком. То, что это был Рокфор, я знала наверняка. У него имелась отметинка — небольшое белое пятнышко на голове. Сам он серо-синего цвета, словно дымка от костра. Сейчас его шерстка сияла в свете белой луны. И теперь крыс походил на мифическое существо.

Я присела на корточки и, зазывая его в квартиру, манила рукой:

— Роки! Роки, малыш! Иди сюда, милый! Скорей!

Не знаю, сколько времени мы просидели так друг напротив друга, не решаясь переступить через видимый барьер. Вдруг пленка начала исчезать и мне ничего не оставалось, как броситься на выручку малышу и снова оказаться в чужом мире.

— Роки! — воскликнула я, подбирая крысеныша с мостовой. Он обиженно слегка куснул меня за мизинец.

— Прости дружок! Ты, наверное, голоден? — опомнилась я, рыская по карманам халата. И почему вместо того, чтобы упрашивать крыса вернуться домой, не сбегала на кухню за сыром, хлебом, семечками...

Как всегда, хорошие мысли посетили мою голову уже после того, как я сделала очередную глупость.

— Эх, Роки, у нас ведь даже нет денег, чтобы купить себе пищу, уж про кров и говорить нечего. И почему ты не пошел ко мне? А? Испугался?

Я потрепала его за ушком и дала несколько семечек, обнаруженных на дне кармана. С ними крыс тут же лихо расправился и снова уставился на меня бусинками глаз, как бы спрашивая: «А еще есть?»

— Нет, дружок, больше нету, — вздохнула, осматриваясь.

Мы были на той же улице, куда попали и в первый раз. Те же идущие вереницей, вплотную приставленные друг к другу фасады серых домов, та же мостовая и желтый фонарь. Проулок, в котором лежала перевернутая телега, должен был находиться по близости, и мы с Роки пошли на его поиски. Как и в прошлый раз, одежда на мне преобразилась. Халат превратился в белую рубашку, расшитую узорами, и длинную цветастую юбку, а одеяло (хорошо, что мне удалось прихватить его с собой) стало теплым дорожным плащом мышиного цвета. Теперь мне было значительно теплее, чем в прошлый раз. Шлепанцы снова исчезли, и мои ступни обжигало холодом ночной брусчатки. Забравшись под телегу, (хвала богам!) она оставалась на том же месте, мы с крысом через некоторое время устроились на ночлег. Подложив под себя несколько досок и

немного соломы, которая местами была разбросана вокруг, мы закутались в плащ и провалились в тревожный сон. Я боялась даже предположить, что может ожидать нас утром, но все-таки очень хотелось надеяться на лучшее.

Глава 5

Уже три дня мы с Рокфором, как беспризорники, блуждаем по улицам моих детских грез. Знала бы раньше, как они выглядят в реальности, никогда бы и не подумала мечтать об этом счастье. Почему-то всегда казалось, что Франция средних веков полна романтики и любви. Да, наверное, так и есть для барышень знатного сословия и богатых вельмож, вхожих даже во дворец, и принимаемых в покои королевской семьи. Что им до бед простого люда?!

Это я себя жалею, наверное. И как не жалеть! В чужой стране, непривычном времени и кроме всего прочего еще и в облике простолюдинки. Но почему я не знатная барышня? Уж у них-то, наверное, на обед не черствый кусок сыра и мутного вида луковая похлебка с серым сухим хлебом.

А я и этому рада! Когда голод одолевает и мысли только о том, чтобы поесть, то лучшей трапезы и не отыскать.

— Ешь, Роки! Ешь, малыш! — потчевала я четверолапого дружка. — Когда еще поест придется — неизвестно.

Те несколько монет, что я случайно раздобыла, хватило на немногое: еду и неказистые башмаки, которые были намного больше моего размера, но зато они давали хоть какое-то тепло озябшим ступням. Старьевщик косился на меня с нескрываемым любопытством, когда я примеряла обутки. А что делать? Хочешь жить — вертись, как волчок. В другой раз нам может и не повезти так, как сегодня.

Выбравшись из под телеги в первое утро, я не успела оглядеться, как услышала о себе много нового от какой-то бабуськи в грязном чепце и сером, словно пыльном платье, укутанной сверху крест — накрест поношенной шалью. Она верещала, на чем свет стоит, правда, я мало что поняла из её речи. Брызгая слюной и призывая внимание окружающих, бабка тыкала пальцем в мою сторону. Мы с Роки поспешили уйти восвояси, насколько смогли незаметно. Толпа зевак уже и так собралась изрядная. Пришлось сбегать под неприятный свист и улюлюканье, как будто я воровка или совершила что-то непристойное. Ко всему прочему только этого мне не хватало!

Плотнее укутавшись в плащ и спрятавшись в глубокий капюшон, я не торопясь шла по

запруженным людьми улицам. Здесь было слишком многолюдно, не знала, что в то время народ чаще толпился в городе без дела. Либо в поиске легкой подработки, слонялся, разнося городские сплетни.

О чем тут только не велись разговоры! Еще бы владеть языком в совершенстве, чтобы понимать тонкости юмора или колкость некоторых шуток.

Я почти не отличалась от обычной горожанки. Вот только вместо коричневой, серой или черной домотканой юбки (какие встречались на женщинах и юных девицах тут и там) на мне почему-то была яркая, в выбитых узорах из цветов, плотной ткани.

Чепец, фартук и обувь — отсутствовали, а вот теплый серый плащ — согревал и прятал меня от любопытных взглядов. Крыс сидел у меня на руках, спрятанный в длинные рукава (руки я прятала одну в рукав другой) — дремал, укаченный неспешной ходьбой и согревал своим горячим тельцем. Немного мерзли ступни, но брусчатка утром уже согрелась сотнями ног и поэтому холод я почти не чувствовала.

Где-то к полудню, поняла, что очень голодна.

— Что же делать, Роки? Что?

И тут, словно ответ на мой вопрос, я увидела почти напротив себя Антикварную лавку. Можно было что-нибудь заложить и тем самым получить хоть немного денег. Вот только что?

— Сережки! Точно! — схватила себя за уши и

чуть не вскрикнула от радости. Они были на месте! Это еще бабушкин подарок мне на шестнадцатилетие. Золотые серьги с изумрудом должны прилично стоять в любом мире.

Каково же было мое удивление, когда толстяк за стойкой, усмехаясь в пышные усы, проткнув меня серыми злыми глазками, почти уплывшими в толстые щеки, швырнул мне, как подачку, серебряную монетку и два медяка.

— Эй! Эти серьги стоят гораздо дороже! — возмутилась я.

— Неужели? — хрипло ответил он. — Катись-ка отсюда, пока я добрый! Или в Бастилию хочется?

Проглотив комок обиды, я собрала в кулак монеты и опрометью бросилась на выход. Куда-куда, а в Бастилию мне уж точно не хотелось бы попасть.

— Ничего, — уговаривала себя, — Может, хватит на ночлег и кусок хлеба. А потом я придумаю, как жить дальше. Обязательно!

Легко сказать, сложнее сделать. В трех трактирах на постой меня не пустили и только в четвертом хмурый хозяин дал добро. Высокий и тощий, как палка, с длинным носом и кустистыми бровями, из-под которых — строгий взгляд черных глаз не предвещал ничего хорошего, — он рассматривал меня с неподдельным интересом,

словно картину в музее. Я хотела было уйти, и уже привычно повернулась в сторону двери, как услышала басовитый голос за спиной:

— Сколько платишь?

— А сколько стоит ночь? — ответила вопросом на вопрос.

— Смотря кому... — пожал он плечами, — С тебя возьму недорого, один серебряник.

— Это за комнату?

— За место и ужин, если после ночи уйдешь.

А захочешь завтрак — будет дороже.

— Я уйду.

— Идем! — кивнул он и повел за собой через зал, заполненный посетителями. Я предусмотрительно натянула глубже капюшон и старалась не отставать ни на шаг.

Под деревянной покосившейся лестницей была невысокая дверь, нагнувшись, прошла за хозяином и оказалась в довольно уютном месте. Лампа тускло освещала серые бревенчатые стены, вдоль одной из них висели на выгнутых гвоздях веревки, скрученные в несколько раз и перевязанные вокруг себя. Под ними стояли мешки, по виду с чем-то круглым, об этом говорили выпирающие бугры, а по запаху я поняла, что это лук.

— Спать будешь тут, — кивнул хозяин на тук с соломой. — Ужин занести или в зал выйдешь?

— Выйду, — ответила, хотя очень и не хотелось этого делать, вспоминания пьяные физиономии посетителей трактира, но платить больше сейчас мне было не по карману.

Словно угадав мои мысли, хозяин изрек:

— Не бойся, мне лишнего не надо. Я вижу ты не из этих мест, но допрашивать не стану. Жди, я пришлю с ужином.

— Спасибо, — сказала я ему вслед, но кажется, он услышал, чуть задержался у двери, а потом резко вышел в шум и гул вечернего трактира.

Свет от лампы расплзался по стенам, словно большой сытый паук. Конечно, это местечко не походило на королевские покои и мало напоминало фешенебельный отель. Но теперь имелась крыша над головой и это спасало нас с зверенышем от ненастья и холода.

Подобрав юбку под себя, я присела на мешок и откинулась на стену, ощутила спиной её шершавость, сняла капюшон и развязала плащ. Роки спал, безмятежно. Мне бы так!

Что же ждет нас дальше? Почему именно в таком виде я попала в этот странный мир? И как попала?

Может быть, во всем виновата та необычная старушка на рынке и её чеснок?

А что? Вполне может быть. Если я не совсем еще сошла с ума, то есть вероятность того, что...

Я не успела додумать. В дверь предупредительно постучали.

— Войдите, — подала голос, и тут же вошел небольшого роста коренастый паренек лет четырнадцати. У него на голове торчал забавный белый колпак, как в старых фильмах у поварят. Спереди — белый фартук, доходивший ему почти до колен. Он поставил передо мной поднос с дымящейся в глиняной тарелке похлебкой. И собрался было уже уйти, как я остановила его вопросом:

— Скажите, а у вас есть чеснок?

— Конечно! Принести?

— Да. Буду признательна, — улыбнулась я пареньку, и он быстренько скрылся за дверью.

— А что Роки? Вдруг у тебя снова получится? Только ешь хорошенечко! — напутствовала я, проснувшегося друга, который приняхивался к ароматной похлебке.

Через мгновение снова раздался стук и вот у меня драгоценный зубчик чеснока.

«Только бы получилось!», — помолилась я мысленно всем богам и принялась натирать хрустящую корочку хлеба чесноком.

Похлебка на вкус оказалась не такой уж и вкусной, но на голодный желудок не приходилось выбирать. Проглотив несколько ложек жидкого супа, щедро сдобренного луком, в котором плавало

всего два крупных куса не то картофеля, не то еще какого-то овоща, я съела натертый хлеб и заставила Роки сгрызть остатки чеснока.

Теперь оставалось только ждать.

Боже! Как мне хотелось домой! Подальше от этих диких, не испорченных цивилизацией мест, где воздух и экология были еще чистыми. Мне бы радоваться такой возможности — побывать в прошлом...

Ну, уж нет! С меня довольно — побывала, холод и голод — испытала, унижения тоже досталось — теперь забыться сном и оказаться дома!

В Москве!

Снова постучали. На этот раз появился хозяин. Выстрелил из-под бровей оценивающим взглядом.

— Плати! — как приговор слетело с его губ.

— Да, конечно, — ответила я и достала из лифа серебряную монетку.

— Завтра чтоб ноги твоей здесь не было, — хмуро рявкнул он, и добавил, сплюнув под ноги, — Putain!

Глава 6

Хозяин вышел, громко хлопнув дверью. Я растерянно соображала, пытаюсь осознать только что брошенное им с пренебрежением слово.

— Кто?! — до меня, наконец, дошел смысл сказанного, только возмущаться теперь было поздно. Стенам все равно, кто я. Но вот людям...

И та старушка поутру тоже сильно ругалась, видимо, у нее были на то причины. Но почему? За что? Неужели мой внешний вид — это вид женщины легкого поведения? И тут я увидела возможную причину свалившихся на мою голову бед.

Стрекозу.

В детстве отец часто называл меня непоседой-стрекозой. И очень переживал о том, как же я буду учиться с такой неусидчивостью. Но вопреки его опасениям, школу я закончила хорошо. Не с медалью, конечно, но без троек, что его очень радовало и давало повод похвалиться дочкиными успехами перед родственниками и друзьями.

В прошлом году, на восьмое марта, получив премиальные к празднику, я решила побаловать себя и заглянула в ювелирный магазин. Давно хотела купить подвеску. Золотая цепочка у меня имелась, но я её почти не носила. Плетение там обычное, без вычурности, да и длина около шестидесяти сантиметров, без подвески цепь совсем не смотрелась на моей тонкой шее.

Нагнувшись над витриной, почти мгновенно выловила взглядом из обилия узоров, цветов, мишек, слоников и еще всякой всячины — её,

зеленоглазую стрекозу. Решение купить именно эту вещицу на тот момент не вызывало никаких сомнений. Изящная безделица, оказалась прекрасным дополнением к цепочке. Примеряя украшение дома возле зеркала, я с восхищением заметила, что даже цвет глаз у нас одинаковый — зеленый. Стрекоза утонула в ложбинке на моей груди, удлинняя своим весом цепочку, вытянула её в соблазнительный треугольник. После первой примерки, я снимала цепочку только, когда принимала душ и то не всегда. Стрекоза всегда была со мной и, казалось, что в минуты внутреннего напряжения (на работе, когда полный завал и нужно успеть с отчетами к сроку) она успокаивает своим присутствием.

Вынимая монетку, я невольно вытащила украшение наружу. Возможно, именно оно послужила тому, что хозяин таверны так высказался в мой адрес. Может быть, у них тут есть бордель с вывеской: «Золотая стрекоза»? Как знать? Проверять наличие этого места не было никакого желания.

— Во всяком случае, не стоит показывать тебя всем подряд, — разговаривала я с зеленоглазой подружкой, укладываясь спать. Тюк, плотно набитый соломой, оказался совсем не таким мягким, как представляла раньше. Любовь в стоге сена больше не грезилась мне чем-то романтичным, скорее —

колючим и неудобным. Возможно, я и ошибалась, но проверять на собственном опыте мне теперь уж точно не захочется.

Раньше, засыпая на новом месте, стоило сказать: «Приснись жених невесте!» И тогда обязательно увидишь своего суженного, как уверяет молва. Мне, правда, так ни разу и не повезло его увидеть.

В этот раз я ничего не говорила, но, тем не менее, всю ночь общалась с молодым человеком, которого мы с Роки встретили в своё первое посещение средневековья. Мой приятный сон прервался хрустящим звуком, словно кто-то разрывал лист бумаги на тонкие полоски. Так иногда делала секретарша шефа, якобы успокаивая нервы.

Приоткрыв глаза, увидела, как мой верный друг с восторгом хрупал крупную луковицу, зажмурившись от удовольствия.

— Роки! Что ты наделал?!

Я подлетела к крысу и обнаружила несколько надкусанных им луковиц, разбросанных возле мешка. Видимо, он выискивал самую вкусную из них.

— Кошмар! — воскликнула от ужаса сложившейся ситуации, подхватила Роки на руки вместе с облюбованной им луковицей, и быстренько накинув плащ, проскользнула в дверь.

Мне повезло, в таверне было тихо и безлюдно.

Бесшумно пробравшись к выходу, тенью прошмыгнула в дверь и побежала со всех ног подальше, не разбирая дороги. Рассвет пока только подкрадывался, окрашивая город в серый цвет. Легкой дымкой утреннего тумана, словно пушистыми лапами, он шагал вдоль просыпающихся улиц.

Я бежала, не разбирая дороги, пока передо мной, словно из земли, не выросла церковь. Никогда не считала себя набожным человеком. Тут же замерла и уставилась на изящное строение, окутанное несколькими слоями арок, своды которых словно кружево возвышались друг над другом. Над ними — высокие острые шпили, уходящие, будто в небо (туман прятал их концы в себе). Стены, богато украшенные скульптурами, керамикой и живописью, приковывали к себе взгляд. Я шла вдоль них, рассматривая и восхищаясь — никогда не видела в своей жизни ничего подобного. Интересно, остался ли этот храм в моем времени? Если вернусь, то обязательно постараюсь попасть на улицы современного Парижа.

Из-за угла церкви выглянул человек в черной рясе. От неожиданности я вздрогнула и чуть не выронила крыса. Он вцепился в рукав рубахи цепкими лапками, и только это его спасло от

падения мне под ноги. Человек в рясе поманил к себе.

Оглянувшись, в надежде, что этот жест предназначался кому-нибудь другому, увидела, что кроме меня на улице никого нет. Сердце тоскливо жжалось и, переступая страх, я пошла к этому странному слуге Господня. Тот нервно поглядывал по сторонам и жестом поторапливал меня. Как только я оказалась рядом, поймал за руку и, склонившись, шепотом спросил:

— Дитя мое, вы умеете петь?

— Что?

— Ну-ка, пропойте: ля-ля-ля! — приказал он тоном, не терпящим возражений. Пришлось повторить за ним незамысловатую мелодию.

— Отлично! А теперь на пол-тона выше! Еще выше!

В школе я одно время (по настоянию мамы) занималась вокалом и даже несколько лет ходила в хор, поэтому сейчас мне не составило большого труда выполнить эту странную просьбу.

— Идемте! — скомандовал он и, схватив крепко за руку, потащил за собой с такой скоростью, будто бы мы убегали от невидимой погони.

Из-за высокой двери храма появился еще один мужчина в рясе и круглой черной шапочке на голове. Он был старше моего спутника и,

по-видимому, являлся важной персоной, поскольку тот согнулся перед ним в почтительном приветствии и скороговоркой выпалил:

— Отец мой, я нашел замену Сели. Эта девушка очень хорошо поет.

Окинув взглядом с головы до ног, от которого мне стало слишком неудобно, что хотелось сжаться до размеров Роки и улизнуть куда-нибудь подальше, тот кивнул и ответил:

— Хорошо. Разучи с ней слова. И пусть переоденется в более подобающий наряд.

Мой похититель, не давая опомниться, снова вцепился в меня мертвой хваткой и поволок внутрь церкви. Нас встретила тишина, и только шаги гулко отражались от чистого, выстланного цветной мозаикой пола.

— Куда вы меня тащите! Отпустите, мне больно! — пыталась я вырваться из крепких рук этого сумасшедшего, все еще не понимая сути происходящего.

— Тсс! Я не причиню вам вред, мне нужна помощь. Сегодня торжественная служба, а сестра Сели простудила горло и теперь не может петь, — поспешил он объясниться, но заметив мой ропот, добавил, — О, конечно, понимаю вас. Не беспокойтесь, я заплачу вам за старание. Петь немного, всего два куплета.

Священнослужитель протянул мне серый лист

с набросанным от руки заковыристым почерком витиеватыми буквами текст, когда мы оказались в тесной комнате. В ней кроме стола и приставленной к белой стене деревянной кровати, над которой висел темный крест, небольшой тумбы, больше ничего не было. Узкое окно почти не пропускало солнечный свет в эту каморку, и поэтому здесь горели свечи, что стояли, как солдаты навтыяжку в простых без вычурностей подсвечниках. Но светили они довольно тускло. Или мне так показалось с непривычки. Зрение еще не адаптировалось к обстановке.

Я, уткнувшись в текст, попыталась разобрать хоть словечко. Теперь понятно, что читаю на французском хуже, чем думала. Мой пленитель понял эту заминку по-своему:

— О, Господи! Вы не умеете читать?

Мне оставалось только согласно кивнуть, подтверждая его догадку. Побледнев и схватившись за голову, тот ретировался за дверь, оставив меня на время в одиночестве.

Не успела перевести дух и немного опомниться от случившегося, как дверь кельи снова открылась, и на пороге возник все тот же (уже знакомый мне) силуэт в рясе, а следом за ним вошла в сером одеянии девушка лет восемнадцати с чистым невинным личиком и сомкнутыми скорбно изогнутыми вниз тонкими губами.

Она смотрела на меня синими, как небо, глазами и, соглашаясь с приглушенным шепотом мужчины, время от времени кивала головой.

— Это Сели. Она научит вас петь, — с этими словами священник вышел, оставив нас наедине.

Сели прилежно принялась за обучения, повторяя за ней построчно фразы, я довольно быстро запомнила текст. Теперь оставалось уловить мелодию и правильно вытягивать нужную тональность.

С этим было сложнее поскольку шепотом девушка не могла мне точно подсказать, как петь. Приходилось наугад тянуть слова. И поначалу у меня не всегда получалось попасть в нужную ноту.

Значительно легче стало, когда Сели с помощью руки показала высоту тона. Когда же она мне искренне улыбнулась, прогоняя печаль с очаровательного личика, я поняла, что справилась.

Вернулся мой мучитель в рясе и, прослушав пение, поблагодарил Сели. Он тоже будто воспрянул духом, а широкая улыбка, оказывается, очень шла его серому лицу. Девушка выскользнула за дверь и исчезла, священник проводил меня в другую комнатку, которая мало чем отличалась от предыдущей. Разве лишь тем, что в ней находился еще и вытянутый вдоль стены тонкий шкаф.

— Отдохните, переоденьтесь. В шкафу найдете все необходимое. Я приду за вами к сроку.

Затем он поспешно вышел, и тут я услышала скрежет замка. Меня заперли!

«Боже, но за что мне это все?» — пронеслась в голове обиженная мысль. Вздохнув, скинула плащ на кровать. Роки освободившись от моих объятий кинулся рыскать по клетушке, осваивая новое пространство. Я его крепко сжимала под плащом, чтобы он не убежал и не выдал себя во время занятий пением. Ведь неизвестно, как на моего друга могла среагировать набожная барышня — Сели. Лишнего крика и шума вокруг крыса очень не хотелось слышать.

— Вот так-то, Роки! Мы с тобой избежали тюрьмы и почти избежали сумы, а вот от плена отвертеться нам не удалось. Хоть бы уж не обманули и, правда, заплатили. Денежек у нас с тобой, словно кот наплакал... — вздохнула я и открыла шкаф. Как и предполагала, там оказалась ряса. Две, грубые на ощупь, белоснежные рубашки, словно отстиранные «Тайдом», как в навязчивой телерекламе, висели на крючках рядом с серой, такой же, как у Сели туникой.

Я скинула юбку и заменила свою мягкую рубашку грубоватым нижним платьем, доходившим мне до щиколоток. Натянула колючие короткие чулки с завязками и мягкие кожаные туфли, которые пришлось почти в пору, теперь моим ногам было тепло и почти уютно. С туникой и

манто я тоже довольно легко справилась, хотя никогда в жизни бы не подумала, что так сложно вырядиться в монашеский наряд. С капюшоном пришлось повозиться, не знала, что он надевается отдельно от туники и прикрепляется к ней булавками.

Что же касается головного убора, то я никак не могла взять в толк, как его закрепить ОДНОЙ «иголкой», чтобы он не съезжал и к тому же еще прятал под себя мои волосы, которые все время выбивались наружу.

Не знаю, сколько бы еще продолжалась моя мышьяная возня, но терпение кончилось значительно раньше. Зашвырнув в сердцах в угол непослушную ткань, я вспомнила о том, что надо бы спрятать крысенка, пока есть время. Ведь меня могли забрать отсюда надолго, а если его заметят — беда.

Подхватила своего друга, увлекшегося жеванием бумаги, и, выдерживая его сопротивление и отчаянную попытку сбежать, привязала малыша при помощи носового платка к ножке кровати за лапку. Сверху бросила на него свой плащ.

Роки возмутился, взывая к моей совести, но уже через некоторое время притих.

Скрежет в замке известил о том, что за мной пришли...

Глава 7

В этот раз вместо моего пленителя, из-за приоткрытой двери показалась Сели и поманила за собой. Но, увидев меня, всплеснула руками и, пробормотав нечто невразумительно-неодобрительное, быстренько соорудила недостающую моей голове деталь монашеского наряда. И как ей только удалось так быстро справиться с тем, на что я потратила столько времени? Видимо, сказала ежедневная практика.

Я еще раз оглянулась на притихшего крыса, прежде чем выйти из комнаты. Поторапливаясь, за почти бегущей впереди Сели, я все время думала о Роки. Так как абсолютно не верила в то, что крысеныш уснул, скорее всего, он с энтузиазмом занялся разгрызанием платка.

Погруженная в свои мысли, не заметила, как влилась в группу таких же — серооблаченных девушек.

Дружно протопав в середину залитого светом круга, мы остановились на каком-то подобии сцены и перестроились в три ряда, причем, мне уделили место в первом. На тот момент я еще не догадывалась, что за этим кроется. Пытаясь оглядеться, получила ощутимый и довольно

больной тычок в поясницу. Приглушенный шепот (в котором без труда угадывался голос Сели) подсказал, что крутить головой не стоит.

Свет слепил глаза, и я почти ничего не видела перед собой, поскольку остальное помещение было погружено в полумрак, возможно, мне так только казалось. Смиренно стоя в полном молчании и ничем не выделяясь из серой массы на желтом солнечном пятне сцены, мне ничего не оставалось, как исполнять роль монашки, такой же, как остальные вокруг меня девушки.

Величественная мелодия органа разносилась далеко под сводами храма и, окутывая мои мысли и сердце, вызывала трепет души.

Когда прервалась волшебная музыка, раздался монотонный голос священнослужителя. Я не прислушивалась и не пыталась понять, о чем речь, меня никогда не увлекали духовные учения. С потолка храма смотрели лики святых в витражных вставках в виде шестнадцатилистной ромашки, словно в детском калейдоскопе. Глаза немного привыкли к полумраку, и можно было рассмотреть интерьер, не поднимая головы. Во время проповеди (не знаю, как еще можно назвать монолог священника) я вспоминала то, чему меня научила Сели, напевала про себя мелодию песни, и как оказалось, делала это не напрасно.

Новый тычок в спину (похоже, что буду вся в

синяках, а ведь еще сочувствовала этой «милой» девушке) известил о том, что мне пора приступать к пению. Не знала, что на меня возложили солирование. Мой голос тонкой струной вырвался из чуть осипшего от страха горла и подлетел к высокому своду. Сиротливо завис там, а затем, набравшись силы, слился в унисон вместе с вторившим ему разноголосьем и, оттолкнувшись от стен, покатился по довольно длинной зале, заполненной притихшими посетителями.

Никогда не хотела быть солисткой, а тут пришлось, да не где-нибудь, а в храме Господнем. Ни разу со мной ничего подобного не случилось.

Не знаю, как выдержала эту пытку, которая, казалось, тянулась бесконечно. Забавно, как иногда время умеет растягиваться, словно резиновое.

Наверное, я все же справилась с возложенной на меня миссией, за старание мне заплатили, как и обещали. Несколько звонких монеток приятно холодили ладонь. Я поблагодарила священника, и поспешила покинуть храм. Переодевшись в свое и отловив крысу, которому, как и предполагала, удалось освободиться от платка, мы, обогнув храм, оказались в небольшом саду.

Присела на скамейку, спрятанную в тени ветвистого, с пушистой шапкой листьев, клена и отдышалась. Как бегун или пловец, я пыталась выровнять, сбившееся от волнения дыхание.

— Неплохой мы с тобой заплыв сделали, Роки, — улыбнулась любопытной мордашке друга, который высунулся из рукава и осторожно трогал воздух чутким носом.

Всего у нас с крысом монеток оказалось четыре: две — серебряные (те, что мне заплатили за пение) и две уже знакомые нам с дырочками посередине. Вот бы еще разбираться в денежных единицах, чтобы не попадать впросак.

Насколько я помнила из курса истории: дырявые — это су, меньше её по себестоимости, кажется, были в то время — денье. Серебряные — это эку. Вот и все мои познания.

Да, нелегко быть незнайкой, особенно там, где вряд ли поможет поход в библиотеку. Не расспрашивать же первого встречного о том, что здесь, сколько стоит и какие деньги в ходу? Я предполагала, что кроме тех денежных единиц, что знаю — имелись и другие. Но пока, нам, возможно, эти знания и не требовались. На наши денежки тоже можно было что-то купить себе на обед.

Кушать уже хотелось и давно. Мы с Роки побрели в поиске общепита: харчевня, таверна или рынок нам сейчас очень бы не помешали.

Я споткнулась на ровном месте и ударила большой палец правой ноги о выбоину на дороге. Вскрикнула, в глазах потемнело от боли, но никто не обратил на меня никакого внимания. Шум улицы

утопил в себе мой голос, жаль только, что не забрал с собой и боль. Закусив губу, постаралась взять себя в руки и, немного прихрамывая, побрела дальше, оглядываясь по сторонам в поиске нужной мне вывески.

Скользнув в какую-то кривую улочку, чуть не заблудилась петляя по ней. И, наконец, снова выбралась на более оживленную местность, столкнувшись почти нос к носу со стариком в темном, забрызганном грязью пальто в заплатках.

Рваная шляпа, перчатки и довольно приличного вида башмаки, довершали собой его образ. За спиной старика торчала потертого вида котомка. Он шел вперевалочку, словно по палубе корабля и почти перегородил мне проход. Поэтому я, наверное, его так хорошо рассмотрела. Седая борода у него торчала дыбом, всем своим видом старик напоминал немного пирата, бродягу и морского волка в одном лице. Он что-то крикнул вслед проходившему мимо господину. А потом громко на всю улицу пробасил хриплым голосом пропойцы:

— Скупаю старые вещи! Продаю новые!

Когда старик поравнялся со мной и, окинув взглядом, уже почти прошел мимо, я вдруг вспомнила, что мне совсем бы не помешали какие-нибудь башмаки. Схватив его за рукав, потянула немного на себя и произнесла волнуясь:

— Простите, месье! Я хочу купить...

Тот медленно повернулся, освобождаясь от моих рук, холодно спросил:

— Чего вам, барышня?

— Туфли, башмаки... что-то, во что можно обуться, — скороговоркой ответила я и заметила, как его брови удивленно поползли вверх.

— Башмаки говорите, ну что же имеются у меня одни, но боюсь, что вряд ли вам окажутся впору.

Он поставил свою поклажу на мостовую и немного порывшись, достал два разных на вид башмака, но мне было все равно, лишь бы согреть и обезопасить ноги от брусчатки, камней, стекла и разной колючести. Я очень боялась порезаться, поскольку тогда мне пришлось бы где-то доставать бинт или искать лекаря. Если думать обо всех опасностях на свете, то можно сойти сума, но и совсем не переживать о своей жизни я не могла. С детства приучена отцом — решать проблемы по мере их поступления. Сейчас появилась возможность обуться, и я решила ею воспользоваться. К тому же у меня имелось несколько монет, которых должно было хватить на это не хитрое дело.

Расплатившись двумя су (по одному за каждый башмак), спрятав озябшие ноги в великоватые по размеру обувки, я была почти

счастлива. Старьевщик ухмыльнулся в усы, но ничего не сказал (и на том спасибо). Забрав у меня деньги, он покачал головой, видимо, своим собственным мыслям. Мы разошлись с ним в разные стороны. Я, наконец, увидела вывеску таверны и поспешила перебежать через пыльную улицу, чтобы пообедать и обдумать, как дальше жить и что делать.

Таверна встретила шумом, в ней почти не оказалось свободных мест. Видимо, она была на хорошем счету, что радовало. Огорчало другое. Цены здесь очень кусались.

За две серебряные монетки мы смогли купить небольшой кусок сыра (не первой свежести), суп и ломоть черного хлеба. На этот раз уже знакомая похлебка была намного вкуснее и сытнее, в ней к тому же нашелся небольшой кусочек мяса. Я никогда не была «обжоркой», поэтому этой пищи мне вполне хватило, чтобы утолить голод. Хлеб я припрятала в карман плаща «про запас».

Очередной день нашего скитания по Парижу перевалил уже за середину.

— Ешь, Роки! Ешь, малыш! — угощала я четверолапого дружка. Тот уплетал за обе щеки сыр и, по-моему, испытывал чувства очень схожие с моими собственными. Роднее крысенка у меня тут никого не было. Деньги у нас закончились. Куда идти дальше?

За три дня пребывания в Париже, он мне чертовски надоел. Но путь домой был пока закрыт. Во всяком случае, эксперимент с местным чесноком не увенчался успехом.

Нагловатого вида паренек, сидевший за столом возле окна время от времени бросал в нашу сторону хищный взгляд.

Мне стало слишком неловко от его внимания и, не дождавшись, пока Роки доест свой обед, я подхватила его и спрятала в рукав вместе с сыром. Затем набросила капюшон и спешно покинула сие заведение. Чтобы скрыться от преследования, сделала необдуманную вещь: спонтанно схватилась рукой за проезжающую мимо повозку и, запрыгнув на облучок, примостилась там, еле удерживая равновесие. На повороте спрыгнула и побежала со всех ног, насколько могла (башмаки затрудняли движение, все время норовили соскользнуть и оставить меня разутой), в очередной раз не разбирая дороги. Если бы еще знать куда бежать и где прятаться...

Я вышла к реке. Не зная названия, решила, что это должно быть Сена, единственная река, которую помнила из той же школьной истории, протекающая во Франции.

Неспешно прогуливаясь у берега, я немного успокоилась. Есть река, значит, в ней должна быть и рыба. Быть может, смогу прокормиться, став

рыбачкой?

Эта мысль мне понравилась. Почему бы и нет? Можно устроиться на первых порах в рыбацкую деревеньку помощницей, сети вязать или что там еще вяжут...

Я улыбнулась своим мыслям, села на большой валун, сняла башмаки и опустила ноги в теплую воду. Река играла со мной. Ласково перекатывалась под ступнями, словно большой дракон или змей чесался зубчатой спиной. Ноги отдохали от скитаний, душа с надеждой вглядывалась в будущее. Роки сидел в моих руках и с некоторой опаской смотрел на воду. В таком количестве он её еще не видел. Но доверяя мне, не стремился сбежать или спрятаться. Как бы хотелось иметь хоть немножко его уверенности...

Страх время от времени вылезал наружу, но я упорно заталкивала его назад. Не привыкла паниковать. Есть обстоятельства и нужно их принять, к тому же постараться сделать свою жизнь достойной. Не смотря на то, что этот мир так сильно отличался от того, в котором мне довелось жить раньше, я не собиралась попирать вложенные в меня с детства постулаты честной жизни. Остаться человеком нужно в любых ситуациях, а моя была не самой худшей, уж это я знала наверняка.

Глава 8

Люк Фаре сегодня слишком много пил, пытаясь утопить в вине свое одиночество, как уже случалось не единожды. Когда-то капитан военного судна, затем, знатный вельможа, теперь же — бродяга без рода и племени.

Он никогда не был женат. Хотя женщины не обделяли его своим вниманием, но не влюблялся Люк ни разу. Любовь для него казалась сказкой, в которую его сердцу путь был почему-то закрыт. Возможно, к лучшему. Как знать, быть может, это спасло его от разочарования неразделенного чувства. А так он оставался счастливым и независимым, правда, до тех пор, пока старость не подкралась незаметно, и девушки не стали давать ему отворот поворот. Тогда единственной его верной дамой стало — Одиночество. Но и её он не любил.

Всегда один, всегда все решал сам и почти был доволен тем, что никто не лезет в душу, не мешает жить, как ему вздумается. Свобода от обязательств, свобода от себя самого. Жаль — нельзя убежать, скрыться от правды, а она в том, что он никому не нужен. Даже стакан воды, случись ему заболеть — подать некому.

Редко он думал об этом раньше, а сейчас иногда накатывало и заставляло трезво смотреть на

действительность, от которой он всякий раз стремился спрятаться в вине. Иногда это получалось, иногда — нет. Выть на луну и хотел бы, но не мог. Хриплый стон иногда слетал с его губ, разрывал болью грудь, но не приносил облегчения, лишь погружал в еще большую тоску.

Фаре жил тем, что рыбачил, продавал улов, да еще собирал старые вещи и, имея от природы дар — собственными руками мастерить безделицы, продавал на рынке свои поделки из кожи, дерева, ткани, которым давал новую жизнь. На пропитание хватало, он не жаловался на судьбу, сам выбрал свой путь. Но иногда так хотелось тепла и понимания... так хотелось!

Сидя в своей лачуге, которую отстроил сам на берегу Сены, он все время вспоминал нечаянную встречу.

Сегодня он столкнулся с удивительной девушкой, почти девочкой, глаза которой были заполнены такой тоской, что ему стало на миг не по себе. Люк, хотел остановить её, но не посмел... Теперь жалел об этом и не мог выбросить её облик из памяти. Тот взгляд, словно у беспомощного котенка, затронул глубоко спрятанные от всех струны его души.

Разменяв шестой десяток, Люк впервые пожалел, о том, что не обзавелся женой и детьми. Что-то было в этой девушке такого, отчего его

сердце сжалось в сочувствии. Захотелось оградить незнакомку от всех бед жестокого мира, спрятать, укрывая от напастей в своих руках.

Он не понимал себя. С ним такое случилось впервые и чувства ранее неведомые, теперь пытались вырваться наружу, а Люк старался их залить вином. Вдоволь упившись дешевой кислятиной, Фаре не почувствовал облегчения. Пошатываясь, распахнул пинком дверь и почти вывалился из лачуги на пустынный берег. Потряс белой ватой волос, глубоко вдохнул ночной воздух, закашлялся, согнувшись вдвое. Раскачиваясь, словно камыш на ветру, сделал над собой усилие — выпрямился. В затуманенной голове — берег плыл размытыми пятнами. Люк шел, петляя, загребая ногами песок, прохлада забиралась под его рваную грязную рубаху, надувая её как парус.

Раскинув руки в стороны, он упал навзничь, уставившись пустым безучастным взглядом в небо. Жизнь почти не имела смысла. Люк Фаре просто существовал — без эмоций, желаний — изо дня в день, проигрывая один и тот же сценарий на протяжении уже довольно длительного времени. Вино — не веселило, лишь оставляло горький осадок на весь следующий день, женщины не вешались на него, как прежде, а смысл существования больше не тревожил душу...

Солнце застало его там же — на берегу.

Пробежало теплыми лучами по лицу, потрепало волосы — пробуждая к новому дню.

Люк поморщился, нехотя сел, вдохнул, отмахнулся от назойливого ветерка, забирающегося под одежду. Морщась, оглядел утренний берег. Взгляд упал на край ткани, высовывающейся из-под его лодки. Пошатываясь, Фаре подошел, приподнял ветхую, залатанную местами посудину и обомлел: она, его незнакомка, свернувшись калачиком, подложив одну руку под щеку, сладко спала, улыбаясь своим снам. Его сердце тревожно защемило и гулко забилось внутри.

— Спасибо, Боже, что сберег, — промолвил он одними губами, рассматривая девушку.

Запустив к ней солнце, тут же пожалел об этом. Рыжелопые лучи шустро проскользнули под лодку и коснулись пушистых ресниц девушки. Незнакомка вздрогнула, потянулась и открыла глаза. Их взгляды встретились на миг, Люк увидел в её изумрудных озерах — страх и поспешил успокоить:

— Не бойся меня!

Она изумленно изогнула черную бровь, недоверчиво изучая его. Из-под её плаща высунулась любопытная крысиная мордочка и чутко принялась, затем неодобрительно чихнула.

— Вы? — вспомнила девушка старика.

Он утвердительно кивнул и помог ей

выбраться из-под лодки. Осматриваясь по сторонам, она заметила его лачугу и сморщила симпатичный носик, почувствовав неприятный запах, идущий от старика, результат его вечернего «веселья». Крыс чихнул еще раз.

— Извини, малыш, я вчера немного перебрал, — усмехнулся старик в молочные усы, — Как его зовут?

— Роки.

— А тебя, красавица?

— Ка... Катрин.

— Люк Фаре, к вашим услугам. Вот и познакомились, дочка. Пойдем в дом, ты, наверное, голодна?

В глазах девушки читался вопрос, но она покорно пошла следом за стариком, который в её присутствии засуетился, подбирая с пола разбросанные бутылки, пытался их спрятать подальше, как будто от этого лачуга станет чище.

Катрин рассмеялась его усердию, сквозь смех спросила:

— Давайте я вам помогу, где у вас тут ведро?

Через время они пили обжигающий чай и ели хлеб с сыром, словно лучшее лакомство на свете. Люк уже и забыл, как приятно жить в чистом доме и общаться с кем-то, кто тебе дорог.

Эта девушка глубоко забралась к нему в душу и согревала её своим теплом, будто солнечным

светом. Он решил для себя, что ни за что на свете не отпустит это сокровище. Катрин залетела в его сердце беззащитной птичкой, и теперь у Люка появился смысл жизни. От того на душе стало спокойно и очень светло.

Глава 9

Утро встретило нас с Роки слишком быстро. Сны разлетелись, оставив действительность в виде взлохмаченного и дурно пахнущего деда Мороза. Я, еще не проснувшись полностью, пыталась понять, что произошло. На дворе — лето, стало быть, этот старик не имеет ничего общего с моим любимым праздником. Тогда, кто он и что здесь делает?

Хотела было уже спросить его об этом, выискивая возможность для побега, как он заговорил первым:

— Не бойся меня! — услышала хриплый голос, который казался мне отчего-то знакомым. Роки высунулся из-под плаща и чихнул. Ему тоже не нравился запах незнакомца. Старик улыбнулся моему зверю и тут, мне показалось, что я его узнала. Он очень походил на старьевщика, которого мы встретили накануне, вот только: его белые, словно вата, волосы — торчали дыбом, а шляпа больше не прятала под собой медовые смешливые глаза.

— Вы? — попробовала подтвердить свою догадку. Он кивнул в ответ, а затем помог мне выбраться из-под лодки, которую все это время придерживал одной рукой, чтобы она не упала на нас с Роки.

С вечера мы нашли приют под рыбацким суденышком и, завернувшись в плащ, уснули, почти голодные. Кусок хлеба на двоих нам показался слишком маленьким, и ему не под силу было справиться с обрушившимся на нас голодом. Странно, почему-то, когда в моей жизни еды имелось в достатке, я не замечала за собой зверского аппетита. И часто обходилась перекусом на скорую руку. Тут же, впервые поняла, что такое жить впроголодь.

Старик назвался Люком Фаре, а мне пришлось напрячься и вспомнить, как мое имя звучит по-французски.

— Катрин, — представилась я и по его реакции поняла, что правильно угадала на этот раз.

Люк оказался одиноким рыбаком и предложил пожить у него. Вначале я немного с подозрением отнеслась к его предложению. Но потом поняла, что зря опасаясь. Он был добр ко мне, словно дедушка к внучке.

Его домишко, немного покосившийся и сиротливый среди пустынного берега, встретил нас широко распахнутой дверью. Люк засуетился,

подбирая пустые бутылки, которых имелось великое множество, они все время выскользывали из его трясущихся рук и откатывались подальше. Это зрелище показалось забавным и, рассмеявшись, я предложила свою помощь. Вместе мы быстренько справились с беспорядком. В чистом доме и дышалось по-другому. Горячий чай, хлеб и сыр, а еще чувство того, что, наконец, нашему общему одиночеству придется искать пристанище в другом месте, делало это чаепитие — самым приятным на свете.

Мы не спрашивали друг друга о прошлом, словно бы между нами был договор о «Невмешательстве прошлого в настоящее». Каждый день приносил теперь если не счастье, но очень близкое к нему чувство. Хотелось прочувствовать то время, ощутить себя историческим персонажем. Ведь не каждому в жизни дается такой шанс, а под руководством и опекой Люка, я теперь могла ничего не опасаться. Он оказался удивительным человеком, трудолюбивым и мудрым.

Фаре заполнил мою жизнь заботой и теплом. В первый же вечер, он отдал нам с Роки комнату, а сам перебрался на кухню. В наших новых покоях кроме кровати и небольшой тумбы больше нечего не имелось, но так как мой багаж — невелик, то этого убранства было вполне достаточно. Хуже то,

что постельные принадлежности отсутствовали напрочь: ни подушки, ни матраса, ни одеяла... видимо, Люка это обстоятельство нисколько не беспокоило. И как только он спал на голых досках? Правда, судя по тому, что мой опекун часто закладывал за воротник, он мог спать где угодно и как угодно. Меня уже почти ничего не удивляло, и я даже подумала, что все к лучшему: во всяком случае, ни клопов, ни вшей себе не наловлю. Постелила свой плащ и снова завернулась в него почти с головой, на время отпуская тревоги. Утром удивилась тому, что Люка нигде не было. Ни записки, ничего говорящего о том, где мог находиться мой новый друг. Роки рыскал по дому в поиске еды и даже что-то нашел в углу, кажется, затерявшуюся луковицу. И естественно со мной не поделился находкой. Все схрумкал сам, пока я потягивалась и обдумывала план дальнейших действий. От запаха собственного пота кружилась голова, а все тело чесалось, будто бы по мне бегали мурашки.

Шел пятый день моего пребывания вне дома, и я еще ни разу за все это время не искупалась. Решение окунуться с головой в реку пришло само собой. Я побежала к берегу и, спрятавшись за низкие ветви ивы (они опускались почти до земли, обсыпанные, словно перьями, мелкими листьями) скинула с себя одежду, ожидая, что там она будет в

безопасности. Не хватало еще того, чтобы меня обокрал нечаянный путник. Обшаривать каждый прибрежный кустарник вряд ли придет кому в голову. Хотя задерживаться в воде надолго я не стала. Освежилась, умылась и поспешила вернуться к дереву. Спрятанная листвой, как будто принцесса в шатре какого-нибудь восточного шейха, поспешила одеться. Рубаха прилипла к влажному телу, прогоняя мурашки, которые появились на мне, как только я вышла из воды. Согреваясь, влезла в юбку и, отжав волосы, вышла к лачуге. Возле нее меня поджидал Люк.

Глава 10

— Здравствуй, девочка! — поприветствовал меня Люк, щурясь на солнце.

Сейчас он выглядел так же, как в нашу первую встречу на улице. Но теперь я его не боялась. Знала, что за хмурым видом прячется доброе сердце.

— Доброе утро! — ответила я, подбегая и выхватывая из его рук корзину со съестным.

— Ты ходил за покупками? — бросила через плечо, забегая в кухню.

— Да, продал кое-что и купил тоже. Искупалась? А я боялся, что не увижу тебя больше и хотел было идти разыскивать твой балаганчик.

— Что?! — изумилась я, выкладывая на стол: хлеб, овощи, жареный окорок.

Люк стоял в дверях и с интересом рассматривал меня, словно неведомую зверушку. От его взгляда, мурашки пробежали по спине.

— Разве ты не танцовщица? В такой цветастой юбке только они расхаживают по улицам Парижа, вернее, вытанцовывают на площадях, — ответил он, задумчиво почесывая бороду.

Похоже, я выбрала для себя совсем не тот путь, что начертал для меня мистический чеснок. Танцовщица! Вот кем должна была стать его жертва. Да, знать бы об этом раньше, может, и поискала бы для себя приют у уличных артистов. Вот непутевая голова! И куда я смотрела и о чем думала?

Да ни о чем особенном, лишь о том, как сохранить жизнь себе и Роки в новом неведомом жизненном пространстве. И что теперь делать?

Наверное, удручающее выражение на лице, отчасти выдало мое настроение и мысли Люку.

— Мне кажется или ты не знала об этом? Откуда ты, девочка?

— Издалека, Люк! Из такого далека, что если расскажу, ты посчитаешь меня сумасшедшей, — вздохнула я, присаживаясь у стола. Люк сел напротив, взял за руку и заглянув в глаза, сказал:

— Если ты не хочешь рассказывать, не надо.

Я не стану копаться в твоём прошлом. Мне это ни к чему. Но знай, что я никогда и никому не дам тебя в обиду. Верь мне!

Эти слова, пусть не столь красноречивы, но я знала, что они шли из самого сердца, и была очень признательна этому человеку за ту заботу, что он проявил ко мне.

Жизнь в нашем (теперь общем) доме потекла размеренно. Нам было тепло вместе. Будто две замерзшие души, мы постепенно согревались под одной крышей и учились заново принимать мир таким какой он есть. Одиночество больше не обволакивало мое сердце тоскою по московской квартире и суете большого города. Люк научил меня вязать сети, правда, на первых порах без травм не обошлось (пальцы пока не огрубели — часто расцарапывала до крови), но потом мне даже понравилось это нехитрое занятие. Фаре несколько раз брал меня с собой на рыбалку. Он говорил, что я приношу ему удачу. Рыба у нас хорошо ловилась, и её хватало не только, чтобы покушать, но и на продажу.

Люк справил мне новую юбку — серую, без украшений и теплую шаль, так что теперь я не отличалась от остальных горожанок и от этого чувствовала себя намного увереннее. Продавая рыбу на рынке, я больше не боялась косых взглядов и небрежного отношения к себе. Пусть не из

богатого сословия, но все же — горожанка, а это уже хоть какое-то, но уважение со стороны парижан. Французский язык я теперь знала почти как родной. Вот никогда бы не подумала, что такое со мной могло случиться. Даже думала иногда на чужом языке, словно родилась француженкой, а не являлась коренной россиянкой, да еще из глубинки.

Три месяца пребывания в стране моих грез показались почти тремя годами и если бы не Люк, то я наверняка уже умерла бы от отчаяния. Осень не была сырой и все-таки (уж и не знаю, на какие средства), Фаре купил мне кожаные сапожки на меху и теплые чулки. Я знала своего дедушку только по рассказам бабушки, он умер слишком рано, но Люк напоминал его своей трогательной заботой.

Незаметно этот человек прокрался в душу и привязал меня к себе. Теперь я не мыслила свою жизнь без него. Не раз задумывалась о том, что могло бы быть, если бы пошла другим путем и не встретила с Люком. Была бы я нужна хоть кому-то так же как ему? И кто еще оберегал бы меня от бед даже во время сна? Часто чувствовала сквозь сон, как Фаре укрывает меня сползшим на пол одеялом (его вместе с подушкой и матрасом мы купили на второй день моего пребывания в этом доме), и, порой, подолгу сидит рядом, пока не усну, о чем-то напряженно думает. Он перестал пить и

теперь стремился обустроить нашу совместную жизнь, каждый день приносил что-то новое. Теперь у меня в комнате появился узкий шкаф — собственноручная работа Люка — куда я могла вешать плащ и складывать немногочисленные пожитки.

Не знаю, каким мой друг был в молодости, но скорее всего сегодняшней мудростью Фаре тогда вряд ли обладал. Так же как и все он делал ошибки и оттого, наверное, теперь так стремился отгородить меня от совершения похожих. Его забота не была навязчивой и поэтому я не испытывала постоянного контроля, скорее ощущала крепкое плечо за спиной, на которое всегда могу опереться.

Роки тоже нашел себе уютное местечко в углу, за печкой. Мой хитрец любил тепло и сытость. Сейчас у него имелось в достатке и то, и другое. Думаю, что теперь крыс не страдал и даже был по-своему счастлив.

Я втянулась в обыденность жизни и даже почти не думала о том, что где-то здесь по улицам Парижа, возможно, совсем рядом со мной идет другая жизнь. Та, что полна интриг, сплетен и невероятных переворотов судеб богатых господ, подчиняющихся и преклоняющихся перед правлением Генриха Валуа. Часто среди простого люда ему перемывали косточки, но политика меня

интересовала гораздо меньше, чем то, сколько я заработаю на сегодня и чем смогу порадовать свою небольшую семью.

В преддверие зимы на меня свалилась большая беда. Последняя неделя осени зачастила проливными дождями, которые сопровождались холодными промозглыми ветрами. Люк, возвратившись поздно вечером, уронил на пороге свой мешок со старьем и, согнувшись вдвое от сотрясающего его тело кашля, вдруг рухнул на пол. Бросившись к нему, я сначала подумала, что он снова взялся за старое, а именно — выпивку. Но от него не пахло вином, а сам он горел, словно огонь в печи.

Вот когда я пожалела, что не могу вернуться в свой мир по одному только желанию. Мой друг заболел, и вряд ли здесь имелось качественное лекарство от его недуга. Сквозь слезы, стараясь отогнать от себя мрачные мысли, волоком дотащила его до кровати. Не смотря на то, что он был не толстым, все же мне пришлось потрудиться, чтобы положить его на постель. Укрыла Люка своим одеялом, поставила на печку чайник. Мы подготовились к зиме заранее, и у нас имелся необходимый запас дров. Печь еще не прогорела, и я, бросив в нее несколько поленьев, лихорадочно обдумывала, как и чем мне лечить Фаре. Порывшись в тумбе, нашла початую бутылку

какой-то смеси отдаленно напоминающей самогон. Это было почти счастьем. Никогда бы не подумала, что меня может так обрадовать наличие спиртного. Я обмакнула в него полотенце и положила Люку на лоб, тем самым стараясь хоть как-то облегчить его страдания. Знала, что при высокой температуре спирт может помочь как жаропонижающее если больного растереть и оставить остыть, не закутывая в одеяло.

Стянула с него плащ, рубаху и принялась за дело. Растерла его докрасна, и через некоторое время, когда дыхание Фаре стало ровнее, а худощавое, но не обделённое мускулами тело (что говорило о том, что в свое время он был парень хоть куда) немного расслабилось, я поняла, что температура начала снижаться.

Чайник закипел, крышка позвякивала, подпрыгивая на нем. Я заварила чай, шмыгая носом, все время думала о том, где искать доктора.

— Катрин... — услышала слабый простуженный голос Фаре и бросилась со всех ног в комнату. Он смотрел на меня покрасневшими, слезившимися глазами и виновато продолжил, — прости меня, девочка...

— Ну, что ты? Что ты, Люк... — еле сдерживая слезы, улыбнулась ему. — Я вылечу тебя! Подумаешь, простуда!

Он с сомнением покачал головой и снова

закашлялся:

— Одна ты не справишься... я знаю доктора, он берет недорого, живет недалеко от Турнельского дворца, ты ведь знаешь где это? Мы с тобой там недавно проходили... — с придыханием сказал Люк, удерживаясь от кашля. — Запомни: улица Ботрейи, Реми ле Одуэн!

Не помня себя, я выскочила в темноту надвигающейся ночи. Беспokoясь о Люке, со всех ног кинулась на поиски нужной улицы. Ночью искать что-либо значительно сложнее, чем днем. Я хорошо помнила, где находится Турнельский дворец, но найти его в темноте было довольно непросто...

Глава 11

Я торопилась, подгоняя себя, и вконец заблудилась среди многочисленных улочек и переулков. Окружающая темнота давила безысходностью. Мелкие капли дождя жестокий ветер бросал в лицо.

Куда идти? У кого просить помощь?

Люк. Он ждет меня совсем один, а я... потерялась, как маленькая девчонка, вот еще только осталось сесть посреди улицы и заголосить.

Я заметалась, словно загнанный зверек, в поиске выхода. И тут меня привлек негромкий

странный звук. Завернув за угол, увидела перед собой несколько привязанных у дома лошадей. Они нервно переминались на месте и храпели так, словно перешептывались друг с другом. Круги воздуха витиевато танцевали вокруг их вытянутых морд. Холодно. Я, поежившись, плотнее запахнула плащ и огляделась. Никогда не ездила верхом и всячески боялась этих животных с детства. Осторожно обогнув дом, увидела, что почти оказалась на месте, узнала угол Турнельского дворца, выступающего в конце улицы. Но моя радость тут же улетучилась, так как проход был закрыт. Пять или шесть теней метались по улице Сент-Антуан, громкими выкриками оглашая спящую окрестность. Звон металла подсказал, что идет сражение не на жизнь, а на смерть. Возгласы и злые шутки, доносившиеся до меня, говорили о том, что бой еще только начался, а ждать я больше не могла...

Говорят, что люди часто делают странные вещи в состоянии аффекта. Наверное, я была близка к тому, чтобы пойти на безумный поступок. Поэтому, вернувшись к скакунам, сделала то, что никогда бы не осмелилась, будь у меня на тот момент здравый рассудок.

Выбрав спокойную лошадку (как мне показалось на тот момент) я, подбадривая себя и её шептала что-то невразумительное. Отвязывая

красавца и перекидывая удилица назад, отвела его в сторону от остальных коней. Вставила одну ногу в стремя. Крепко держась за седло, вторую закинула через него и чуть не запуталась в складках юбки, все же взгромоздилась (по-другому не могу назвать мое усаживание) на скакуна.

— Хорошая лошадка! Хорошая! — погладила коня по холке. Тот настороженно заводил ушами, медленно переступая.

«Как же тобой управлять?» — думала я, вспоминая что-либо прочитанное на этот счет. Опыта верховой езды у меня, к сожалению, не имелось.

— Ну, милый, вперед! — скомандовала, причмокнув, как заядлая наездница, попыталась взять управление конем в свои руки, вдавила ему в бока со всей силы пятками, и хлестко шлепнула ладонью по крупу. Он послушно прибавил ход и понесся галопом в нужном мне направлении.

Получилось так, что мы с конем разделили людей на две части, нападающие остались по одну сторону моего скакуна, а тот, кто оборонялся от них, по другую. Осадив коня, обернулась к мужчине, прижимающему одной рукой камзол (возможно, его беспокоила рана, в темноте трудно было вообще хоть что-то разглядеть), другой же, опираясь на шпагу, воткнутую в землю, он стоял ко мне ближе, чем остальные.

Дуэлянты застыли от неожиданности, я же, не теряя времени, протянула раненому мужчине руку:

— Скорее, сударь!

Тот понял, что от него требовалось, вскочил на коня позади меня, и мы понеслись дальше под бурные выкрики оставшихся с носом господ. Управлять жеребцом мужчина умел значительно лучше меня и, отдав ему власть над животным, я оказалась в роли пассажира. Отъехав на приличное расстояние, решила распрощаться со спасенным господином.

— Простите, сударь, но мне нужно в другую сторону, — сказала, заметив, что идти пешком будет довольно далеко, и если не уйду сейчас, то окажусь еще дальше. Мне ответила тишина. Перехватив из обмякших рук поводья, я остановила коня у какого-то храма (поняла это по высокому куполу здания) и, обернувшись, увидела, что молодой человек без сознания. Он навалился и тяжестью своего тела почти придавил меня к холке жеребца. Кое-как спешившись (юбка сильно затрудняла движения), я стянула мужчину за собой. Он прерывисто дышал, стало быть — живой! Это обнадеживало. Оттащила его под развесистую ель. Под ней было сухо, и низкие ветви защищали от ветра. Развязала тесьму на его плаще и, свернув в несколько раз, подложила его под голову господину, словно подушку. Дрожащими от

волнения руками, разорвала на нем рубашку. Рана кровоточила из продырявленного бока. Нужно было срочно делать перевязку. Но как? Чем? Его одежда вымокла в крови и испачкалась, от этого я могла только навредить, занести инфекцию в открытую рану...

Иногда в сложных жизненных ситуациях я действую необдуманно и спонтанно, словно со стороны наблюдая за происходящими событиями. Так же произошло и на этот раз.

Отыскала в траве подорожник (умытый дождем, он был практически чист) и, надеясь на чудо, приложила его к ране — растение должно остановить кровь. Затем, сняла с себя рубаху, разорвала её на тонкие полосы, впиваясь зубами в ткань и глотая слезы. Перевязала парня. Сильно, насколько смогла, затянула повязку и, закутавшись в плащ, выстукивая марш зубами, наклонилась к нему, прислушиваясь к дыханию.

Мужчина застонал, открыл глаза и увидел меня. Я узнала незнакомца. Это его скакун чуть не раздавил моего Роки в наше первое появление тут.

— Боже! — выдохнула я. — Вы?

Он смотрел на меня, не мигая и, казалось, что не видит и ничего не слышит. Его взгляд упирался в мою стрекозу, болтающуюся на груди. Она вывалилась из плаща и раскачивалась, как маятник на ветру.

— Сударь, я скоро вернусь, — прошептала ему в ухо, едва коснувшись губами завитков темных волос. Затем поднялась, и на этот раз намного увереннее запрыгнув на коня, поспешила отыскать дом лекаря.

Улица Ботрейи спала так же, как и многие другие в это час. Пересилив свою робость, постучала в первую попавшуюся дверь. Сонный мужской голос хмуро поинтересовался тем, какой черт разбудил его в это время, но услышав мой вопрос, назвал номер дома и, страшно ругаясь мне в след, пошел досматривать сны.

Поблагодарив моего незадачливого осведомителя, я постучалась в нужную дверь. За ней кто-то, громко зевая, повторил почти слово в слово вопрос первого потревоженного мною жителя.

Услышав, что срочно нужен доктор Реми ле Одуэн, голос незнакомца смягчился:

— Простите, сударыня. Прошу вас немного подождать.

Через время, показавшееся мне вечностью, дверь открылась, и на её пороге оказался небольшого роста, худощавый мужчина в скромном сером костюме, с котомкой за плечами:

— Я готов, моя госпожа! — сказал он с пафосом, затем продолжил. — Куда прикажете следовать?

— Господин Реми, нужно очень поторопиться. Я вам щедро заплачу. Вы умеете ездить верхом?

— Да. Немного.

— Тогда садитесь за мной и поспешим!

Мы летели со всей прыти к незнакомцу. Он лежал на том же месте, где я его оставила. Надо сказать к чести доктора, он тут же принялся за дело. Убрал мои тряпки, кровь уже не текла, все-таки я тоже приложила к этому руку.

— Вы, умница! — констатировал эскулап. — Не растерялись и все правильно сделали. Осталось только немного заштопать нашего пациента и уверяю вас, он выздоровеет, не успеете вы дважды прочитать молитву, — после этих слов, ле Одуэн склонился над бездыханным телом. Я услышала стон и ругательство:

— Иди к черту! — выкрикнул незнакомец и снова провалился в забытье. Закончив с ним, Реми обернулся ко мне и, улыбаясь, изрек:

— Молодой господин будет жить! Но его нужно перенести в дом. Где вы живете, сударыня?

— Я?

— Да. Ведь ваш супруг...

— Нет-нет. Мы даже не знакомы с этим господином. Просто я оказалась рядом и не смогла пройти мимо...

— Боже! У вас чуткое сердце, сударыня. Так

что же теперь с ним делать?

— Спасибо вам, за все, господин Реми... вот деньги, — протянула ему холщовый мешочек, доверху заполненный монетами, который я осторожно вынула из кармана раненного господина (когда обрабатывала ему рану) и сейчас он мне пригодился.

— О, сударыня, вы слишком щедры! Мои скромные услуги не стоят того...

— Я прошу вас, господин Реми, возьмите эти деньги, лошадь и позаботьтесь о господине. И не говорите ему о моем участии, очень прошу вас об этом...

— Хорошо, моя госпожа, я все сделаю, как вы просите...

— Это не все, господин Реми. Мне еще нужна ваша помощь. Болен мой батюшка — у него сильный кашель, он весь горит — как это можно вылечить? — спросила я сквозь слезы, которые снова отчего-то навернулись на глаза.

— Мне нужно осмотреть вашего батюшку... но как же оставить больного на улице? — развел руками доктор в недоумении.

Да-а, не простая задача. Два человека почти одновременно нуждались в его содействии. Не мог же ле Одуэн разорваться на части.

— Вы не поняли меня... — продолжила я, — скажите только, как мне лечить, какие снадобья

нужно купить?

— Да-да, конечно, — Реми зарылся в свой мешок и вытащил оттуда какие-то скляночки. — Я на всякий случай беру все необходимое, ведь, порой, неизвестно, чем болен пациент... Так вот — эту микстуру давать три раза в день по целой ложке, ничем не запивая, а вот этой мазью натирать больного и закутывать в теплый платок или шаль. И давайте ему больше теплого питья.

— Спасибо, — поблагодарила я и поспешила к Люку.

Услышала вслед:

— Если микстура закончится раньше, чем поправится больной, приходите ко мне, я еще приготовлю для вас.

— Хорошо! — крикнула, обернувшись, и побежала к мосту через Сену. Мы жили на другом берегу.

Глава 12

Добралась домой вместе с рассветом. Да, меня только за смертью посылать! Ну и ночка выдалась!

Люк спал, разметавшись во сне. Его лихорадило. Жаркое дыхание говорило о том, что моему другу стало хуже. Не мешкая больше, нашла в шкафу свою цветастую юбку и чистую рубашку. Быстренько переделась и принялась за дело:

растопила печь, поставила чайник. И занялась Фаре. Открыла баночку с микстурой (ну и вонючая оказалась!) и, как велел ле Одуэн, наполнила ею столовую ложку. И только тут подумала о том, как же буду поить снадобьем человека в бессознательном состоянии. Пришлось идти на крайние меры, разжала с помощью ножа плотно сомкнутые зубы Люка, затем осторожно влила жидкость, стараясь, чтобы мой друг и не захлебнулся, и не выплюнул горькую отраву.

Ну, что же, первая порция целебного настоя прошла успешно, чему я искренне обрадовалась.

Растерла старика мазью и плотно закутала одеялом, а сверху еще накинула мою шаль.

И тут я впервые почувствовала сильную усталость. Сон сморил меня возле Люка. Я уткнулась носом в одеяло и сладко засопела, сидя на скамейке возле постели больного.

Не знаю, сколько прошло времени, но думаю, что немного. Я провалилась в зыбкий сон, словно в темную глубокую яму. Вынырнула сама и так же внезапно, как уснула. Тело все ломало от боли, видимо сказывалось ночное приключение — верховая езда явно не пошла мне на пользу.

А вот Люк выглядел значительно лучше. Его дыхание выровнялось, и теперь он крепко спал, слегка похрапывая во сне. Я вышла в кухню — чайник парил, будто паровоз. Как я и думала, он

почти весь выкипел. Оставшейся воды хватило на то, чтобы заварить лишь одну кружку крепкого чая.

Роки завозился за печкой и вылез наружу, принюхиваясь к моему завтраку.

— Привет, малыш! — взяла я его и усадила на колени, поглаживая мягкую шерстку.

Угостившись сыром, крыс снова убежал к себе. Зимой он чаще спал, чем в другие времена года. Везет ему, не надо думать, на что дальше жить.

Люк — единственный настоящий кормилец нашего небольшого семейства — теперь не может приносить доход. Я же почти ничего не умею. Рыбу ловить? Можно попробовать, но в такой холод легче простудиться, чем поймать хоть какую-то рыбешку.

Пока пила обжигающий чай, лучи усталого солнца, тихо скользили по подоконнику. Тоска закралась в сердце. Не люблю, когда осень из рыжей красавицы превращается в костлявую старуху — с голыми сучьями тощих деревьев, промозглыми ветрами и рваной шалью серых облаков. Пейзаж за окном не радовал глаз. Серость от неба до земли. Солнышко уже не согревало своим теплом, скоро зима. Конечно, здесь она вряд ли будет такой суровой, как в Сибири и такой слякотной, как в Москве, но холод уже не единожды забирался в нашу лачугу.

Топить приходилось часто, дрова не спасали... Если так дальше пойдет, то наши запасы закончатся намного раньше зимы. Чтобы купить новые дрова, нужны деньги...

Вся наша жизнь упирается в эти звякающие монетки разной стоимости.

Сколько стоит моя жизнь? Жизнь Роки? Люка?

Бесценна?

Да, судя по тому, что жить не на что, действительно — бесценна.

Горькие думы прервал Фаре. Он раскашлялся и робко позвал меня:

— Катрин!

— Я здесь, Люк! Здесь! — поспешила откликнуться и старик тут же снова затих. Успокоился, зная, что не остался один на один со своим недугом. Или, быть может, от того, что я вернулась из ночного путешествия.

Люк медленно, но верно шел на поправку. Благодаря целебному настою, что дал мне господин Реми, к моему старику возвращались силы день ото дня. Кроме того, мне удалось купить на рынке мед и сухие травы — ромашку и мать-и-мачеху. О целебных свойствах этих растений я знала с детства. Настаивая их, поила Люка теплыми напитками, возвращающими ему жизнь.

Прошло полтора месяца в борьбе за его

здоровье. Приятно было ощутить себя победителем.

За то время пока Фаре болел, мне пришлось устроиться на работу в небольшой кабачок недалеко от пристани. Я помогала кухарке, мыла посуду и, ко всему прочему, иногда развлекала посетителей танцами, недаром несколько лет занималась хореографией, тут пригодилось. От подвыпивших и не в меру развеселившихся гуляк меня спасал верзила-повар. Стоило мне только поднять визг, как он неизменно появлялся в зале. При одном только его виде, желание побаловать с девушкой у ловеласов куда-то улетучивалось, они вмиг трезвели и отпускали меня восвояси.

Теперь мой заработок составлял от двух ливров до пяти серебряных экю за день работы — это включая чаевые за танцы.

Если же я задерживалась, по просьбе хозяина, на вечер (поскольку в это время суток было больше посетителей), то и моя зарплата увеличивалась почти в два раза. Это было совсем даже неплохо для нашей семьи, где один из её членов тяжело болел.

Денег теперь хватало, я даже смогла заменить испорченные вещи, забрызганный кровью спасенного мною незнакомца плащ и юбку, на новые, а так же приобрела несколько нижних рубаш для себя и Люка про запас.

Однажды, проходя через рынок (уже

совершила необходимые покупки) совершенно случайно зацепившись глазом за витрину небольшого магазинчика, где модистка вывесила на показ свое творение, не смогла отвести взгляд от сине-зеленого, словно морская вода — платья. Решение купить его пришло в мою голову спонтанно, и, находясь во власти желания, я переступила порог магазина. Вопреки ожиданиям, платье не только пришлось в пору, но еще и стоило вполне приемлемо по моим теперешним заработкам. К нему прилагались легкие шелковые перчатки с изящной вышивкой. Я знаю, что сглупила, но в тот момент не могла удержаться и отдала все, что у меня осталось — все сбережения за месяц. А это не мало, учитывая то, что Люк все еще нуждался в лечении, а лекарства заканчивались, и мне необходимо было вернуться на улицу Ботрейи, к доктору за снадобьем, которое должно иметь какую-то цену. Но на тот момент, мне словно мозги отшибло, я забыла о всякого рода осмотрительности и экономности. Спустила все, что имела. А еще удивлялась в свое время непрактичности моей московской подруги — Натки, которая никогда не могла удержать в кармане даже сотню рублей. Вечно что-нибудь покупала, пока не оставалась полностью на мели.

Платье дома я не надевала и даже спрятала его от Люка глубже в шкаф, завесив другими вещами.

Боялась его реакции на такую роскошь. Но мне приятно было осознавать, что оно у меня есть. Нежная мягкая ткань, ласково переливалась под моей ладонью, давая почву для мечтаний:

«Вот поправится Люк, и мы пойдем с ним гулять по вечерним улицам Парижа, я в этом платье, а он в красивом костюме и вышитом узорами плаще...»

Эх, мечты! Как же заработать столько денег, чтобы хватило на их реализацию?

После покупки платья, я стала чаще задерживаться по вечерам, зарабатывая не только на пропитание, но и на мечту. Очень хотелось порадовать друга.

Возвращаясь домой, все чаще встречала хмурый взгляд из-под кустистых бровей Фаре. Он выздоравливал, и теперь его тревожили мои частые отлучки. Я отшучивалась, всякий раз старалась, чтобы он улыбнулся и прогнал хмурость из своего доброго сердца.

Как-то раз Люк застал меня вопросом:

— Где ты работаешь, девочка?

— Недалеко, Люк. В кабаке «Весельчак», ты, должно быть, знаешь о нем?

Фаре утвердительно кивнул:

— Да, бывал там и не один раз. Подойди, — попросил он меня, восседаая на кровати (на время его болезни я перебралась в кухню на его лежак),

словно Наполеон на поле боя, подбоченившись, дырявил меня взглядом.

— Покажи мне руки, — попросил Люк и взяв в свои горячие ладони, пристально рассмотрел, а потом поцеловал каждую мозоль, прислонившись к ним обжигающими сухими губами, — Спасибо!

— Ну, что ты, Люк, за что?

— Не бросила, не оставила... а могла ведь уйти насовсем и это было бы справедливым наказанием за все, что я сделал в своей жизни. Ты осталась...

— Люк, не надо о прошлом. Не надо!

Он замолчал, о чем-то напряженно думая:

— Тебя не обижают?

— Нет, что ты! Ко мне добры, и даже дают подработку. Я иногда танцую, за это хорошо платят...

— Вот это-то мне и не нравится. На что тебе приходится идти из-за меня! — он повесил сокрушенно голову и низко, слишком низко опустил плечи. Затем с болью, но твердостью в голосе, произнес:

— Пообещай, что как только я встану на ноги, бросишь эту работу!

Я не смогла ему возразить и дала свое согласие уйти из «Весельчака», после того, как Люк полностью окрепнет.

Глава 13

Пришел тот день, когда мне надо было распрощаться с кабаком «Весельчак». Поскольку Люк окончательно выздоровел, то теперь настаивал на том, чтобы я ушла из «жуткого пристанища выпивох», каким до недавнего времени являлся он сам.

С самого утра Фаре вышел на улицу со своей неизменной котомкой, в которой за последние дни его болезни набралось не малое количество безделиц. Конечно, он прав и мне не место среди грязной посуды и расплывшихся, одутловатых от безмерного количества вина физиономий, но зарабатывала я здесь намного больше, чем Люк. О том, что произойдет, когда он обнаружит платье и узнает, сколько кровных за него заплачено, старалась не думать. Иначе, становилось совсем не по себе. Возможно, я не права, но теперь моя мечта улетучивалась, словно её и не было.

Зашла в кабак, чтобы проститься с местом работы к которому привязалась (почему-то уж я слишком быстро привыкаю к новым обстоятельствам, а вот расставаться с ними всегда — тяжело), но тут же об этом пожалела. Не умею отказывать и вот, снова попалась в сети своего несмелого характера. Меня загрузили работой по самое «не хочу». В это день намечалась не просто

попойка, а вечеринка «богатеньких Буратино». Правда, что они нашли в этом непопулярном и не столь привилегированном месте, мне было не очень-то понятно.

Но у них, как говорится, свои заморочки. Мне оставалось только перемыть гору посуды и быть на подхвате.

Веселье находилось в самом разгаре, многие из господ уже еле сидели за столом, и я осторожненько направилась к двери, чтобы покинуть эту, по словам Люка «обитель зла», как нос к носу столкнулась с только что вошедшим посетителем.

— Моя госпожа?! — изумился Реми ле Одуэн. Это был именно он. В богатом вельможе сложно было разглядеть некогда бедного лекаря, каким его встретила впервые в тот вечер, когда судьба закрутила меня в своей непонятной и странной игре.

От смущения и растерянности не знала куда деться и что сказать. Вот, никак не ожидала встретить его здесь! В эту минуту испытала чувство сходное с одним детским воспоминанием. Будучи трехлетней крохой, я увлеченно раскрашивала цветными мелками дверь в ванной комнате, и была застигнута родителями в самый неподходящий момент покраски.

Вроде бы ничего страшно-непоправимого не

произошло (дверь потом легко отмылась), но о своих ощущениях — смеси страха, смущения, неловкости — помню до сих пор.

— Господин Реми, простите меня, я очень спешу, — хотела проскочить мимо него в полуоткрытую дверь, но лекарь ловко поймал меня за руку и вытянул за собой на улицу.

— Сегодня я не дам вам убежать так быстро, как в прошлый раз, — сказал он, посмеиваясь над моими попытками освободиться от его крепкой хватки.

— Пустите! Мне больно! — я гневно выкрикнула и чуть не упала, освободившись рывком из его рук.

— Простите, сударыня. Но нам нужно о многом поговорить...

— Нам не о чем с вами разговаривать, господин Реми. Спасибо вам за все, что вы сделали для моего батюшки и того молодого господина... Но я, действительно, очень спешу!

Только хотела уйти, как ле Одуэн перегородил мне путь.

— Послушайте, я не отпущу вас до тех пор, пока вы не согласитесь на свидание.

— С вами?

— Нет, не со мной, хотя я очень польщен, госпожа... Кстати, я так и не знаю вашего имени.

— Катрин.

— Госпожа Катрин, вас очень хочет видеть тот, кто обязан вам жизнью.

— Я надеюсь, вы не рассказывали ему обо мне? Вы давали слово!

— Нет, конечно, нет! Я был верен своему обещанию. Но... он помнит вас и каждый новый прожитый для него день — это пытка. Он ищет ваш образ повсюду...

Мне безумно приятно было это слышать. Не каждый день мне говорили о том, что я для кого-то что-то значу. Не считая, Фаре, конечно. Тот постоянно мне это доказывал. Но незнакомец... да, последнее время он часто всплывал в мыслях.

В ту ночь в моей голове все было, словно в тумане, и события казались скорее сном, чем реальностью. Единственным доказательством, что я не спала — являлись снадобья, которые мне предоставил для Люка господин ле Одуэн.

— Хорошо. Когда и где?

— Сегодня, если вас устроит в 10 вечера, на том самом месте, где вы нас оставили в ту ночь. Я могу вас об этом попросить, госпожа Катрин?

— Хорошо, господин Реми. Обещаю, я буду к сроку. Теперь же позвольте вас покинуть.

С этими словами, наконец, обрела свободу и, стараясь унять гулкий стук сердца, побежала домой. Люк, наверняка, меня заждался.

Странно, что он еще не вернулся. Хотя и

обещал быть пораньше.

Наверное, мне просто повезло. Не знаю, как бы Фаре среагировал на то, что его «девочка» убегает на свидание с малознакомым типом.

Свидание. Это слово будоражило кровь. Так давно я на них не ходила... даже в прошлой московской жизни для меня они не являлись еженедельными и даже не ежемесячными. Поэтому волноваться было от чего.

Я согрела воды и, спрятавшись за ширму (поставила её возле печки, там теплее), которую для меня Фаре сделал своими руками, ополоснулась в железном тазу. Поливая на себя из большого ковша и используя небольшой кусок мыла избавилась от запаха кабака, полного не только терпкими пряностями, но и кислотой дешевых вин, а также пьяных посетителей. Вытерлась насухо, и, завернувшись в полотенце (широкое, словно простыня), кинулась к шкафу. Платье, не найденное Люком, было на месте.

Легкий вздох облегчения вырвался из моей груди, когда я наткнулась рукой на нежную ткань.

Хотела уже облачиться в наряд, как внимание привлек Роки. Он плюхнулся в неубранный мною таз с водой и теперь барахтался в нем. Видимо, спускаясь из своего убежища, не нашел куда спрыгнуть.

— Малыш, прости! — промолвила, доставая

крысенка, намокшего и сердитого. Вытерла его своим полотенцем. Он стал похож на маленького дикобраза. Мокрая шерстка топорщилась в стороны, придавая моему любимцу комичный вид.

Пришлось срочно выплеснуть содержимое таза за дверь, чтобы больше не случилось непредвиденных неприятностей. Отголоски башенных часов известили о том, что уже восемь часов вечера. А я еще не оделась!

Как говорится, ждать красивую женщину куда-либо собирающуюся — большое испытание для мужчины. Но мне сложности еще создавало и то, что служанки в наличии не имелось и шнуровку корсета приходилось делать самостоятельно. Изрядно повозившись с платьем, занялась укладкой шевелюры. Не имея под рукой никаких аксессуаров женской привлекательности, я причесала волосы. Правда, с моими кудрями пришлось потрудиться, чтобы придать им не взлохмаченный вид. Затем собрала их, скрепив деревянной заколкой (без каких-либо узоров и украшений) на затылке, разрешая нескольким локонам свободно спускаться кокетливыми дорожками возле ушек. Сверху накинула, словно паутинку, тонкую ажурную вуаль и, конечно, теплый плащ.

Зеркало в нашей с Люком хижине отсутствовало. И надеясь на то, что выгляжу все же не хуже обезьяны в зоопарке (которая не знает,

куда надеть шляпу на голову или на хвост), я выскочила за дверь. Беспokoясь о Фаре, осмотрелась, поискала его взглядом. В темноте зимнего вечера, почти полной не считая фонарей и яркой, слишком близкой луны — не увидела знакомого силуэта. И еще раз, обернувшись в ожидании того, что мой друг вот-вот объявится, поспешила на встречу с судьбой.

Глава 14

Еще издали я заметила тень, поджидающую меня около места встречи. Сердце подпрыгнуло в груди и пришлось чуть сбавить шаг, чтобы не выдать волнения.

Я хотела только увидеть его и сказать, чтобы он не искал встреч со мной. Ведь это бессмысленно. Все бессмысленно!

Когда мужчина вышел из-за ели, у меня подогнулись колени, и нервная дрожь прошла по всему телу.

— Добрый вечер, сударыня, — проговорил уже знакомый голос.

— Добрый вечер, сударь, — ответила, еле сдерживая стук зубов.

— Вам холодно? — спросил незнакомец, после приветствия.

— Немного, — ответила поежившись. — Вы

хотели меня видеть?

Он замолчал, пристально приглядываясь ко мне, будто пытался понять — та ли я девушка, что грезилась ему или другая. Наши взгляды встретились, и показалось, что в это мгновение время — остановилось. Насовсем.

Не знаю, сколько мы так стояли вперившись друг в друга, пока его голос снова зазвучал в ночной тишине.

— Я хотел сказать вам — спасибо... не каждая девушка осмелится на такой поступок. Вы спасли мне жизнь, и теперь она принадлежит вам.

Я словно остолбенела и теперь стояла, как кукла, абсолютно не зная, что делать и что говорить в эту минуту. Поэтому молчала, внимая каждому слову незнакомца. Мужчина вдруг опустился передо мной на одно колено.

— Я — Луи де Клермон, сеньор д'Амбуаз, граф де Бюсси — клянусь защищать и оберегать вас, сударыня, всю свою жизнь какой бы длинной или короткой она не была, — произнес он, склонив голову к моим ногам. Но я уже не слышала его. Меня захлестнули эмоции.

Что же я наделала?! Это сродни тем фантастически-мистическим фильмам, в которых герои, будучи в другом измерении или времени нечаянно наступали на бабочку (или какого-нибудь червячка) и тем самым закрывали себе путь домой.